

После романа
для всех читателей
данной серии Наталья
Борохова представляет
роман «Адвокат на час»

Наталья Борохова

Наталья Евгеньевна Борохова
Адвокат на час
Серия «Адвокатский детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176055
Адвокат на час: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-25765-2*

Аннотация

Это было безнадежное, заведомо проигрышное дело. Подзащитная Лизы Дубровской Анастасия Дроздова вела себя очень странно – сводила на нет все усилия адвоката, словно заранее смирившись с приговором. А ведь ей светило не меньше пятнадцати лет! Настю обвиняли в убийстве известной бизнес-леди Дворецкой, хозяйки преуспевающего холдинга «Жемчужина», где Дроздова возглавляла юридическую службу. Дворецкая настолько приблизила к себе Настю, что поселила ее в своем роскошном особняке, сделав почти членом семьи. И вот во время празднования юбилея бизнес-леди была отравлена... Дроздову взяли на месте преступления. Многочисленные свидетели выступали на стороне обвинения. И только адвокат Дубровская знала, как помочь своей подзащитной...

Содержание

* * *	4
Полгода назад...	19
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Борохова

Адвокат на час

* * *

Настя невольно вздрогнула, услышав тяжелые шаги конвоира. Он явно направлялся в ее сторону. Мгновение, и его грузная фигура заслонила собой узкий проем зарешеченного пространства.

– Что? Уже пора? – Она приподнялась с места.

Он посмотрел на нее недоуменно, словно вместо нее на нарах должен был оказаться кто-то другой. Например, матерый уголовник, бритый наголо, с синими от татуировок руками, ну или на худой конец разбитная бабища с кривой ухмылкой на отеком лице. В душном подвальном помещении областного суда, куда десятками доставляют каждый день убийц и насильников, такой публики хватает с лихвой. Они, будто звери в тесных клетушках, стонут, мечутся, огрызаются, дожидаясь часа суда. Но появление здесь этой девчонки с чистым, без намека на косметику, лицом, невинными, как у ребенка, глазами казалось событием неординарным. Нечасто залетают сюда подобные птички.

– Сиди пока, – кашлянул он, словно почувствовав неловкость. – На вот, почитай, коли охота есть.

Он сунул ей через прутья газетные листы и, тяжело развернувшись, потопал обратно.

– Зря ты с ней церемонишься, – неодобрительно отозвался другой конвоир. – Если тебя смущает ее высшее образование, то плюнь и разотри. Да и корочки адвокатские ей уже не понадобятся. Здесь она такая же, как все. Убийца, одним словом.

– Но ведь приговора еще не было, – тихо урезонил его товарищ.

– Будет! Помяни мое слово, будет. Уж я-то много чего слышал. Ее взяли на месте преступления, и целая дюжина очевидцев показывают на нее пальцем. Прокурор говорил, что процесс будет недолгим. Лет пятнадцать ей навесят, как пить дать.

– Ну, хоть защитник-то у нее есть?

– А как же, – обрадовался коллега. – Конечно, есть. Дубровская. Слышал о такой?

– Что-то не приходилось.

– Еще бы! Молодая недотепа, на вид не старше своей подзащитной. Короче, нас ждет не процесс, а цирковое представление. Жаль, нельзя с собой взять пакетик воздушной кукурузы.

– Да, дела! – протяжно вздохнул его товарищ. – Ей бы кого посерьезней в адвокаты нанять. Срок ведь не маленький светит.

– А кто пойдет-то? – удивился второй. – Денег-то у нее кот наплакал. Да и маститые защитники от нее нос воротят. Говорят, опозорила всех адвокатов разом.

– Вроде как паршивая овца в стаде?

– Вроде того...

Настя, конечно, слышала разговор, удивляясь про себя собственному равнодушию. Уже давно миновали те дни, когда она заливалась слезами, кидаясь к каждому, кто хотел ее выслушать, с заявлениями о собственной невинности. Похоже, никому не было до этого никакого дела. Следовательно, ехидно улыбаясь, говорил ей непреложные истины о чистосердечном признании и минимальном наказании. Товарки в камере кивали головами и твердили, что у них все то же самое: они невиновны и сидят здесь по чистому недоразумению.

На смену отчаянию пришла полная апатия. Она образцово выполняла команды конвоя, не нарушала режим и считалась идеальной узницей. Только ее взгляд, бессмысленный, обращенный куда-то в себя, не выражал ни радости, ни злобы. Казалось, чувства покинули ее навсегда. Ее уши слышали ставший уже привычным лязг запоров, нос так же вдыхал смрад следственного изолятора, руки покорно складывались за спину. Но мысли, свободные от оков, витали где-то в прошлом, где все еще было хорошо, где все было озарено ласковым светом надежды...

Рука потянулась к газете. Так и есть! Первую страницу украшала большая статья с фотографией. «Адвоката-убийцу привлекают к ответу!» Боже мой, как ее только не называли: и «оборотнем в юбке», и «адвокатом смерти», и «подлой отравительницей». Наверняка шустрые журналисты ничего не слышали о презумпции невиновности, согласно которой объявить человека преступником может только суд и только на основании приговора. Но, должно быть, писак уже провели над ней свое собственное судилище и пригвоздили ее к позорному столбу. Взять хотя бы эту статейку.

«Профессиональные юристы прогнозируют, что уголовное дело в отношении Анастасии Дроздовой будет рассмотрено в рекордно короткие сроки. Действительно, уличающих преступницу доказательств у прокурора хватит на десятерых.

Напоминаем читателям, пропустившим информацию об этом громком процессе, что подсудимая обвиняется в умышленном убийстве известной бизнес-леди Вероники Дворецкой, хозяйки преуспевающего холдинга „Жемчужина“. Дроздова оказывала юридическую помощь предпринимательнице и была в ее доме частым гостем. Несмотря на железную деловую хватку и редкую проницательность, госпожа Дворецкая не распознала в начинающей адвокатессе задатки хладнокровной убийцы, за что и поплатилась. Трагическое событие произошло в день празднования семидесятилетия предпринимательницы, в ее собственном доме. Многочисленные свидетели подтвердят под присягой, что именно из рук своего адвоката пожилая женщина приняла бокал с ядом. Дворецкая скончалась до прибытия „Скорой помощи“. После ее смерти выяснилось, что все свое многомиллионное состояние предпринимательница завещала оборотистой девице. Надеемся, что суровый приговор станет хорошим уроком преступнице».

Вот так. Впрочем, ничего нового. Только внизу приписка: «Редакция газеты будет благодарна каждому читательскому отклику в дискуссии на тему: „Почему в России не применяется пожизненное заключение в отношении женщин?“»

– Представьтесь, пожалуйста.
– Дворецкая Элеонора.
– Кем вы приходитеесь погибшей?
– Я ее старшая дочь.
– По делу вы признаны потерпевшей. Выслушайте информацию о ваших правах и обязанностях...

Немолодой судья монотонно зачитывал выдержки из Уголовно-процессуального кодекса, но потерпевшая слушала его не слишком внимательно. Стоя на свидетельской трибуне, женщина чувствовала себя в центре всеобщего внимания, и это ей нравилось.

Это была статная особа лет сорока, весьма эффектная. Густые волосы с медным отливом служили роскошной рамой для ее лица с несколько крупными чертами. Чувственные пухлые, даже несколько вывернутые губы приковывали взгляд. Кошачьи глаза насыщенного зеленого цвета, умело оттененные золотистыми тенями, хищно щурились. Пальцы в массивных перстнях впивались в дамскую сумочку, как в собственную добычу. Она была порода и высокомерна. Она знала себе цену, и окружающие вынуждены были принимать это как данность...

– Скажите, потерпевшая, как складывались ваши отношения с матерью? – выплыл откуда-то со стороны вопрос прокурора.

Элеонора непонимающе уставилась на него. Откуда взялся этот плюгавый, маленький и крайне самодовольный человечек? Ее губы изогнулись в подобии усмешки, но она тут же взяла себя в руки. Прокурор играл с ней на одной стороне. Стало быть, эмоции следовало придержать.

– Замечательные отношения, – заявила она. – Какие еще отношения могут быть между дочерью и матерью? Она советовалась со мной во многих деловых вопросах. Всегда считалась с моим мнением. Мы с ней были очень близки. Не скрою, Вероника являлась незаурядной личностью, с ней не всегда было легко. Но мы понимали друг друга. Только вот в последнее время...

– Вот-вот, расскажите, что случилось незадолго до ее смерти.

Элеонора перевела тяжелый взгляд на скамью подсудимых, где сидела Настя. Ногти с кроваво-красным маникюром еще сильнее впились в сумочку.

– В наш дом вторгся посторонний человек. Именно не пришел и не появился, а *вторгся*. Наглая, напористая девица, возомнившая себя опытным адвокатом, стала влезать в семейный бизнес и даже давать какие-то советы матери.

– Позвольте поинтересоваться. Насколько мне известно, у Вероники Анатольевны имелась собственная юридическая служба?

– Совершенно верно. И возглавлял ее известный адвокат Корицкий. Его услугами мать пользовалась последние пятнадцать лет.

– Что вы говорите? Сам Корицкий Борис Рудольфович? – делано округлил глаза прокурор. Конечно, об этом он знал и без Элеоноры, но больно уж момент был подходящий. Не сделать акцент на личности бывшего адвоката известной предпринимательницы обвинитель не мог. – Позвольте, позвольте... Это тот самый Корицкий, которого журнал «Щит и меч» включил в «золотую десятку» лучших адвокатов России?

– Вот именно, – выпятила губы потерпевшая.

– И вы хотите сказать, что госпожа Дворецкая предпочла высокому профессионализму Бориса Рудольфовича неопытность нашей подсудимой. Так, что ли?

– Конечно. Мне известно, что эта девица не проработала и месяца в адвокатской конторе перед тем, как моя мать взяла ее к себе на службу.

– Протестую, ваша честь, – раздался высокий нервный голос. С места вскочила худенькая темноволосая девушка, адвокат подсудимой. – Потерпевшая допускает неточность. Анастасия Дроздова была адвокатом уже целых три месяца. У нас и справка есть.

– Целых три месяца! – придурковато воскликнул обвинитель. – Простите, действительно ошибка вышла.

Он склонил голову, словно собираясь расшаркаться перед молодым адвокатом. Судья едва сдержал улыбку. Похоже, ситуация его забавляла.

– Ну, так продолжим, – прокурор снова повернулся к потерпевшей. – Должно быть, Борис Рудольфович потерял хватку и ваша мать решила его заменить?

– Ничего подобного, – облизнула пухлые губы Элеонора. – Он не проиграл ни одного дела. Но в мать словно бес вселился. Она отстранила его от дел, а к себе приблизила вот эту выскочку.

– Потерпевшая, следите за выражениями, – заметил судья. – Нас интересуют факты, а не ваши эмоции.

– Хорошо. – Элеонора выглядела недовольной.

– Так как вы можете объяснить столь странное поведение госпожи Дворецкой? – продолжил допрос прокурор.

– Мама была уже в преклонном возрасте. Вам ли не знать, пожилые люди так подозрительны. А эта ваша э-э-э... адвокат пришлась ко двору. На первый взгляд скромная, готовая услужить, она расположила к себе Веронику, завоевала ее доверие, а уже после этого начала ею манипулировать. Конечно, мне все это не нравилось. Я неоднократно говорила матери об этом. Но кто же мог тогда предположить, что все так трагически обернется?

– Благодарю вас за ответы. Больше вопросов не имею.

– У защитника будут вопросы к потерпевшей?

– Нет, ваша честь.

– Следующий свидетель?

– Дворецкая Антонина, дочь погибшей.

На трибуну поднялась невысокая грустная женщина, полный антипод Элеоноры. Разница была так существенна, что никому из присутствующих и в голову бы не пришло, что эти две полярные героини являются родными сестрами. Антонина была такой бледной и невыразительной, что к ней подходило единственное сравнение – мышь. Такая серенькая и тихая мышка. Медные волосы Элеоноры в варианте младшей дочери Дворецкой казались крайне неухоженными и невыразительными, словно сделанными из ржавой проволоки. Черты лица ничем не поражали воображение: белесые ресницы и брови, бледные губы, выцветшие глаза. На ее скулах играл нервный румянец. Было видно, что женщина волнуется.

– Каковы были ваши взаимоотношения с погибшей? – спросил прокурор.

– Я очень любила маму, – негромко ответила Антонина.

– А она вас?

– Думаю, тоже, – ответ звучал неуверенно.

– Как вы можете объяснить, что ваша мать лишила вас, как, впрочем, и других своих детей, наследства, переписав завещание на постороннего человека – своего адвоката?

Антонина сделала паузу, прежде чем ответить. Когда она начала говорить, голос ее дрожал от еле сдерживаемого возмущения. Было видно, что семейная история тронула ее до глубины души.

– Моя мать стала жертвой хитроумной интриги, организованной подсудимой. Дроздова воспользовалась преклонным возрастом Вероники, ее внушаемостью. Она настраивала мать против собственных детей и преуспела в этом.

– У вас есть примеры?

– Конечно. Эта особа очернила каждого из нас в глазах Вероники. Так, во время проведения конференции в отеле, возглавляемом моей сестрой, произошел досадный инцидент с приемом гостей одной из арабских стран, и Дроздова поспешила обвинить во всем Элеонору. Она представила рядовой случай как умышленно спланированную акцию. Мать вспыхнула, последовал тяжелый разговор, после чего она не общалась с дочерью месяц.

– Надо же, подсудимая имела такое влияние на вашу мать?

– Колоссальное! Она даже заставила мать поверить, будто бы ее единственный сын является вором.

– Да неужели?

– Именно так. У Анастасии пропал золотой браслет. Так, ничего особенного, обыкновенная недорогая вещица. На самом деле она подбросила браслет в комнату моего бедного брата для того, чтобы потом, в присутствии свидетелей, обвинить его в краже.

– Ну, а не мог ваш брат м-м-м... действительно взять его?

– Мой брат? Исключено! Впрочем, Элеонора стала невольной свидетельницей этой ее выходки. Она видела, как интриганка орудует в комнате Владислава. Жаль только, маму мы не смогли убедить! Помнится, она причитала: «Боже мой, как он мог!»

– Ну а вас Дроздова помиловала?

– Если бы! – вздохнула женщина. – Она внушила матери, что я с нетерпением ожидаю ее смерти. Якобы только и грежу о наследстве! Видели бы вы, как завелась после этого Вероника! Она устроила мне жуткую сцену и выгнала из дома. Несколько суток я находилась у своей подруги, не решаясь вернуться домой.

– Но как же это ей удалось? Ведь ваша мать не была легковверной особей.

– Дроздова подсунула ей какую-то папку с вырезками из каталогов недвижимости за рубежом. Там были крестиком помечены самые дорогие варианты, да еще были вложены визитные карточки риелторских фирм с контактными телефонами главных специалистов. Мать была в шоке. – Голос Антонины даже сорвался от волнения. – Конечно, на свою зарплату я не могла рассчитывать на столь роскошные приобретения. Судите сами, вила на Лазурном Берегу мне не по карману. Я всего лишь заведу скромным салоном красоты.

– Действительно, для вас это было неосуществимой мечтой.

– Да я даже и не рассчитывала на это! Вы ведь не мечтаете купить собственный остров или самолет? Для того чтобы хотеть, надо еще и мочь, в конце концов.

– Совершенно с вами согласен.

– Дроздова ловко провернула это милое дельце. Притворившись невинной овечкой, она передала папку в руки матери. Якобы я оставила ее в машине. На обложке она не забыла проставить мои инициалы. Ну, для того, чтобы у Вероники пропали всякие сомнения на мой счет. Вот такими методами действовала мамина адвокатесса. Для достижения цели все средства хороши. Похоже, это она усвоила крепко. Чему удивляться, что в конце концов она решила на убийство!

– Но позвольте, между интригами и убийством существует огромная пропасть. Вы не торопитесь с выводами? – выразил притворное сомнение прокурор.

– Я выражаю общее мнение, – твердо заявила Антонина. – Наш семейный врач, Иван Васильевич Пирогов, человек, заслуживающий уважения, с первого дня появления нового адвоката у нас в доме всячески пытался предостеречь Веронику.

– Позвольте, от чего же?

– Иван Васильевич – светило науки, человек очень просвещенный. Профессор медицины. У него хорошо развита интуиция, и он с самого начала полагал, что мать, доверяя судьбу семейного бизнеса невесте откуда взявшейся девице, совершает большую ошибку. Он пытался подобрать аргументы, призывал к здравому смыслу Вероники, только все без толку! Мать словно заклинило на этой Дроздовой!

– Все-таки давайте оперировать фактами. Почему Пирогов так невзлюбил вашего нового адвоката?

– Я думаю, он видел ее насквозь. Он называл ее бездарью. Говорил, что она погубит семейное дело.

– А что же Вероника Анатольевна? Прислушалась к его словам?

– Совсем нет! В довершение всех бед она перестала доверять и ему тоже. А ведь он предупреждал мать, что Дроздова убьет ее!

– Вот как? Очень интересно. – Прокурор даже потирал руки от удовольствия. – Нельзя ли подробнее? И медленнее, пожалуйста, у нас ведется протокол.

– Конечно. Дело в том, что Иван Васильевич, как семейный врач, был в курсе всех проблем со здоровьем у Вероники. Он неоднократно предупреждал ее о необходимости соблюдать его предписания, в частности, принимать нужные лекарства. А когда отношения между ним и матерью стали портиться, Дроздова взяла в свои руки лечение Вероники.

– Боюсь, я не совсем понимаю. Как это «взяла в свои руки»? Дроздова ведь по профессии юрист?

– Совершенно верно.

– Так как же она могла лечить вашу мать?

Антонина вздохнула:

– Вероника не принимала никаких лекарств из рук доктора. Она требовала, чтобы все ей передавала Дроздова: то есть покупала в аптеке, распечатывала, сверяла дозировку и подавала бутылочку с негазированной водой. Видите ли, Вероника в последнее время была очень подозрительна и пила только воду из запечатанных бутылок. Она боялась, что ее отравят! Так вот все манипуляции с лекарствами проводила адвокат.

– А что же доктор?

– А что доктор? Он предупреждал, что Дроздова путает дозировку. Однажды, когда она в очередной раз перемешала все пилюли между собой, он накричал на нее: «Вы убьете ее!» Но Дроздова даже ухом не повела. Иван Васильевич бросился к матери: «Вероника, голубушка! Эта девица планомерно гробит ваше здоровье. Помяните мое слово, она отравит вас!» Мать сделала вид, что не слышит его.

– Какова была реакция врача, когда все-таки отравление произошло?

– В тот вечер доктор был с нами. Он и констатировал смерть матери. После того как Иван Васильевич сложил на груди Вероники руки, поняв, что ничем больше ей не сможет помочь, он подошел к Дроздовой. «Вы убили ее!» – произнес он четко. Зарыдав, он удалился из комнаты.

Прокурор подал рукой знак свидетельнице помолчать, а затем обратился к председателствующему:

– Ваша честь! Иван Васильевич Пирогов числится в списках свидетелей обвинения. К сожалению, произошло несчастье. Доктор попал в автокатастрофу. В настоящий момент он находится в реанимации без сознания. Будем надеяться, что он все-таки поправится.

Судья кивнул, и обвинитель опять повернулся к свидетельнице:

– Благодарю вас за ответы. Больше вопросов не имею...

– Адвокат Дубровская, ваши вопросы.

– Вопросов нет.

– Благодарю. Кто у нас дальше?

– Владислав Дворецкий, сын погибшей.

На трибуну поднялся мужчина. Положив руки на наклонную доску прямо перед собой, он приготовился отвечать на вопросы прокурора. Согласно анкетным данным, ему не было еще тридцати лет, но выглядел он намного старше. И дело, пожалуй, было даже не в манере одеваться. Напротив, он, по всей видимости, предпочитал щеголеватый стиль: ботинки с какими-то немыслимыми пряжками, джемпер с заклепками, цепи с подвесками на шее. Но под воспаленными голубыми глазами уже набрякли мешочки, что часто бывает у пьяниц и людей, ведущих беспутный образ жизни. У него были рыжие волосы и красноватая кожа. Рот казался вульгарным, был крупным, как у старшей сестры. На лице уже появился двойной подбородок, да и слегка выдающийся вперед живот свидетельствовал о нелюбви Дворецкого-младшего к физическим упражнениям.

– Каковы были отношения между вами и вашей матерью? – последовал традиционный вопрос прокурора.

– Необыкновенно теплые. Мама была самым светлым человеком в моей жизни. – Парень даже всхлипнул для убедительности, но в его словах явно чувствовалась фальшь.

– Как же так произошло, что Вероника Анатольевна не упомянула вас в завещании?

– Понятно как. Вон у той спросите.

Он ткнул пальцем в сторону Анастасии Дроздовой.

– Обязательно спросим. Только сейчас ваша очередь отвечать на вопросы. Что можете пояснить вы?

– Она настроила Веронику против меня. Стерва!

Судья постучал по столу карандашом.

– Попрошу соблюдать такт. Для выражения своих эмоций можно использовать другие, более мягкие выражения.

Влад был явно не согласен с судьей, но спорить не стал.

– Ладно, ваша честь. Скажу только, что это очень... нехорошая женщина. Она наговорила про меня матери кучу гадостей.

– Например?

– Например, что я пристаю к ней, к Дроздовой. Но это неправда! Мне она не нравилась с самого начала. Меня привлекает другой тип женщин, – он облизнул губы. – А попить можно?

– Дайте Дворецкому воды, – распорядился председательствующий.

Секретарь, семеня по полу звонкими каблучками, поднесла свидетелю стакан воды.

Влад пил жадно. Прильнув толстыми губами к пластиковому стаканчику, он пил, как дикое животное, наконец, добравшееся до водопоя. Вытерев губы тыльной стороной руки, он обратился к прокурору:

– Кроме того, Дроздова обвинила меня в краже ее грошового браслета. А ведь когда она пришла к нам, была бедна, как церковная мышь! На кой шут сдалась мне ее побрякушка? Но моя мама, моя самая лучшая мама на свете, не поверила мне. – В его голосе опять зазвучали фальшивые слезы.

Прокурор, предчувствуя, что разговор пойдет по кругу, поспешил сменить тему:

– Вспомните о событиях десятого октября.

– Мама праздновала в этот день юбилей.

– Мне это известно. Расскажите подробнее. Остановитесь на том, что предшествовало отравлению.

Влад пригладил волосы на макушке и вздохнул.

– Было много гостей. Все веселились, и мама тоже. Никто ведь тогда не знал, что произойдет. Бедная мама! – последовал очередной всхлип.

– Факты, пожалуйста.

– Ну, так вот. Часам к двенадцати ночи, когда все гости уже разошлись, в гостиной остались только свои.

– Позвольте полюбопытствовать, кто такие эти *свои*?

– Все ее дети, прислуга, наш семейный доктор и, конечно же, *эта*! – он ткнул пальцем в подсудимую. – Я ни за что бы ее не назвал *своей*, но бедная мама так считала.

– Что было дальше?

– Мы сидели, беседовали. Мама собиралась уже идти отдыхать. Не забывайте, ведь ей исполнилось семьдесят. Она ненадолго закрылась в своей комнате, а потом вышла к нам. «Настенька, детка, – обратилась она к Дроздовой. – Принеси-ка мне снотворного. Боюсь, мне не уснуть после всей этой суматохи!»

– Вполне естественная просьба, не так ли?

– Вот и нам так показалось. Дроздова пошла за лекарством. Что-то долго искала там, на кухне, потом вышла со стаканом воды и какой-то коробочкой в руках. Прошла в спальню к матери, а через минуту она выскочила оттуда. «На помощь!» – крикнула она. Мы кинулись в спальню.

– Что же вы увидели?

– Мать лежала на полу скрючившись. Губы ее посинели. «Доктор, скорее, – закричал я. – Искусственное дыхание!» Пирогов был уже рядом, щупал пульс, заглядывал в зрачки.

«Поздно, – сказал он. – Она мертва». А потом повернулся к Дроздовой, она рядом стояла. «Вы – убийца!» – только и произнес он.

– Достаточно, – прервал его прокурор. – Давайте-ка уточним некоторые детали.

– Давайте.

– Кто, кроме подсудимой, прикасался к стакану с водой и лекарству?

– Только Дроздова! Да никто и не мог этого сделать. Мать в последнее время принимала лекарство лишь из ее рук. Кроме того, не забывайте, все мы сидели в гостиной. На кухне была только эта... очень нехорошая женщина.

– А прислуга?

– И прислуга была рядом. Домработница и кухарка сидели за столом. Мы им позволили немного перекусить и отдохнуть после утомительного приема.

– А если предположить, что убийца подложил ядовитую пилюлю в лекарство, а Дроздова, ничего не подозревая, подала ее матери?

– И этот вариант отпадает.

– Почему же?

– Вы не поверите, – глуповато хихикнул он. – Впрочем, даже я сам, когда узнал о предосторожностях Вероники, не верил. Решил, что старушка дожила до маразма. Видите ли, она предвидела подобный вариант. Поэтому потребовала от Дроздовой, чтобы та всегда носила лекарства при себе, в дамской сумочке.

– И что, та никогда не выпускала из рук сумочку?

– Представьте, никогда!

– Даже когда шла м-м-м... в туалет?

– Даже тогда.

– Да уж! – прокурор задумался. – Так что же тогда Дроздова делала на кухне? Ну, если, как вы утверждаете, лекарства она всегда держала при себе?

– А шут ее знает! Может, искала запечатанную бутылку воды. А может, прятала ядовитую пилюлю. Не могла же она это делать при матери.

– Хм! Спасибо. Больше ответов не имею.

– У защитника подсудимой появились вопросы?

– Нет, ваша честь.

– Ну что же, тогда продолжим...

– Артур Плюхин, адвокат. Член адвокатской коллегии «Правозащита».

На трибуне появился низенький коренастый мужчина в классическом костюме с галстуком. Жидкие волосы едва прикрывали лысеющую макушку. Он моментально «сфотографировал» длину ног секретарши, сделал несколько «снимков» наиболее симпатичных участков процесса, но, когда его взгляд зацепился за скамью подсудимых, лицо адвоката исказила судорога. Он поджал губы.

– Как долго вы знакомы с подсудимой? – подоспел вопрос прокурора.

– С того времени, как ее занесло в нашу контору. Что-то около шести месяцев.

– По вашему ответу незаметно, что вы благодарите судьбу за возможность быть коллегой Дроздовой, – ехидно заметил прокурор.

– Ну, как известно, она больше не является мне коллегой. Впрочем, ответу начистоту: особых сожалений по этому поводу у меня нет.

– Неужели у вас были столь напряженные отношения?

– Нет, дело не в этом. Просто не люблю людей, которые предпочитают урвать все и сразу, забывая о необходимости трудиться. Для таких, как Дроздова, весь мир – это блюдечко

с голубой каемочкой, на котором все разложенные там блага предназначаются только для них самих.

– Как вы оцениваете профессиональные качества подсудимой?

– Да никак! Абсолютно никчемная девица, правда, крайне самоуверенная и нахальная.

– Но у нее, как известно, диплом с отличием.

– Это не показатель. Может, лет так через десять она нахваталась бы практики от опытных коллег, но сейчас ее профессиональный уровень – это ноль без палочки.

– А вам известно, что подсудимая оказывала юридическую помощь известной бизнес-леди Дворецкой?

– Ну, так результат такой помощи нам известен, не правда ли?

– Все же ответьте на вопрос.

– Конечно, я был в курсе и недоумевал, как и мои коллеги, зачем преуспевающей предпринимательнице обращаться за юридическим советом к вчерашней студентке. Но это, если хотите, я расцениваю как старческую блажь. Со всем уважением к потерпевшим, – Артур шаркнул ножкой и послал самую искреннюю из своих улыбок Элеоноре. – Вам ведь известны случаи, когда богатые старики отписывают все свое многомиллионное состояние любимой собачке? Так вот, Дроздова – это вариант такой домашней любимицы, последней прихоти богатой дамы. В отличие от собачки, она может не только тявкать, но еще и говорить. Может принести тапочки и намылить спинку. Однако бедная миллионерша не учла, что домашние животные всегда верны и благодарны, а вот прикормленные люди могут отличаться жестокостью и коварством.

– Вы можете это пояснить?

– Конечно. Я утверждаю, что Дроздова с самого начала планировала убийство предпринимательницы!

– Это, знаете ли, очень смелое утверждение.

– Но тем не менее это факт! Когда в нашу контору явилась эта особа, она имела вид бедной овечки. Скромная, просто одетая. Мы знали, конечно, что она осталась без родственников и находится, так сказать, в «финансовой дыре». Признаюсь, мы все хотели ей помочь. Даже я приложил к этому немало усилий, – адвокат скромно потупился. – Она отвергла нашу поддержку, а когда ее под свое крыло взяла госпожа Дворецкая, девица преобразилась до неузнаваемости. Стала заносчивой, неприступной.

– Вы можете подтвердить это фактами?

– Конечно. Она перестала со мной здороваться, а перед другими коллегами всячески демонстрировала свое превосходство.

– Все же вернитесь к тому, как Дроздова планировала убийство.

– Ага. Ну, так вот. Комната, в которой сидят у нас несколько адвокатов, вполне просторная. Но работать, знаете ли, не совсем удобно. Что говорит один адвокат – известно всем. Тут уж шила в мешке не утаишь. Так вот эта Дроздова заявила однажды коллегам, что скоро станет очень богатой.

– Она не сказала почему?

– Вот и мы поинтересовались, где у нас раздают большие деньги. Может, стоило побегать и стать в очередь, – с претензией на юмор заявил Артур и посмотрел в сторону подсудимой. Та упорно рассматривала линолеум на полу и абсолютно не реагировала на выпады свидетеля. – Так вот Дроздова хитренько улыбнулась и заявила, что эта информация пока секретна. «Может, тебя ждет богатое наследство?» – спросил кто-то из нас. «Может быть», – ответила она. Кто бы мог тогда подумать, что это не розыгрыш? Потом она взяла в руки телефон и записную книжку. Первый звонок, как мне помнится, она сделала в агентство недвижимости и попросила подготовить ей информацию о продаже помещений под офис. Удивительно, но она потребовала самые дорогие варианты в центре. «Цена не имеет значе-

ния», – небрежно бросила она. Потом Дроздова позвонила еще в одну фирму и попросила к телефону ведущего дизайнера, заявив, что хочет заручиться его помощью. Ее интересовали самые дорогие образцы мебели для кабинетов. Что-то она плела про английский стиль, который обожает. Окончательно «добила» она нас звонком в имидж-студию. Там, видите ли, ей должны были разработать концепцию ее делового образа, а также бренд ее собственной юридической фирмы: стиль одежды, всякие там логотипы, визитки, фирменные бланки... А еще она требовала какие-то ковры с вензелями, рекламную кампанию в СМИ и собственный сайт.

– Скажите, а Дроздова могла позволить себе подобные траты, исходя из той заработной платы, которую она получала?

– Никоим образом. Максимум, что она могла себе приобрести, так это канцелярские скрепки, – охотно отозвался Плюхин. – Правда, мне известно, что Дворецкая положила ей две тысячи долларов в месяц. Но согласитесь, этого ведь недостаточно, чтобы скупить весь мир!

– Думаю, что нет. Так где же, по-вашему, Дроздова собиралась взять деньги?

– Из завещания предпринимательницы, конечно!

– Благодарю, вы мне здорово помогли, – улыбнулся прокурор.

– Всегда готов прийти на помощь...

– У адвоката Дубровской будут вопросы?

– Нет, ваша честь.

– Дальше...

– Родионов Николай Иванович, нотариус.

Маленький мужичок с портфелем под мышкой вид имел встревоженный. Глаза за толстыми стеклами очков беспокойно бегали по сторонам. Он боялся большого скопления представителей людей: судьи в черной мантии, прокурора, судебных приставов и конвоя. Герб на стене и трехцветный государственный флаг за спиной председательствующего, решетка перед скамьей подсудимых, высокие своды зала судебного заседания – все приводило его в священный трепет, граничащий с обморочным состоянием. Даже старая овчарка, мирно дремавшая на сапоге конвоира, казалась ему символом величия судебной власти, способной отправить его на лесоповал, даже не уточнив, за какие грехи.

– Как можно охарактеризовать ваши отношения с погибшей? – спросил прокурор.

– Сугубо деловые, – негромко ответил нотариус. – Госпожа Дворецкая, занимаясь предпринимательской деятельностью, частенько обращалась ко мне для составления различного рода документов и удостоверения сделок...

– Нас больше интересует завещание госпожи Дворецкой. Этим также занимались вы?

– Конечно. За годы сотрудничества между мной и Вероникой Анатольевной сложились доверительные отношения. У нее не было нужды обращаться к другому нотариусу. – Родионов устался на прокурора, пытаясь отгадать, доволен ли тот его ответом.

Судя по всему, он был на верном пути, поскольку государственный обвинитель прохаживался мимо свидетельской трибуны, довольно потирая руки и изредка поглядывая в сторону судьи. Похоже, он сам пытался предугадать ход мыслей председательствующего.

– Значит, говорите, доверительные отношения? – прокурор задумался. – А когда впервые обратилась к вам Дворецкая по вопросу составления завещания?

Нотариус сдвинул брови, пытаясь вспомнить.

– Лет десять назад. – Он кивнул головой. – Точно, десять. Будучи особой практичной и здравомыслящей, Вероника Анатольевна любила порядок в делах.

– Ну и какова была ее воля на тот момент?

– Она оставляла все свое имущество детям в равных долях.

– Вполне разумно, на мой взгляд, – улыбнулся прокурор. – Будьте добры, напомните суду суть последнего завещания Дворецкой.

Лицо нотариуса пошло бурыми пятнами. Он поглядел на прокурора, как утопающий смотрит на спасительный круг. Но тот не собирался подсказывать нужный ответ. Родионов вздохнул.

– Все свое имущество Вероника оставила своему адвокату Дроздовой, – произнес он, словно зачитывая некролог.

– Вам известно, кто эта женщина?

Нотариус покосился в сторону решетки.

– Подсудимая. Я понял это уже из газет.

– Верно. Но кем она приходилась Дворецкой: приемной дочерью, сестрой, племянницей? Кем?

– Никем, – обреченно ответил Родионов. – Дроздова была ее адвокатом, но это я уже говорил.

– А я являюсь прокурором, но мне же она не оставила наследства!

Судья оторвался от своих бумаг и почти ласково попросил:

– Соблюдайте этические нормы, если не хотите получить замечание в протокол.

– Извините, ваша честь! Ну, так я продолжу. Почему такое странное завещание? Вы не находите?

– Нахожу. Но Вероника говорила мне что-то про сложности во взаимоотношениях с детьми. Якобы ни один из них не достоин наследства. Что они неблагодарны, непрактичны и пустят деньги по ветру.

– В то время как Дроздова...

– Милая девушка с непростой судьбой. Вероника сказала что-то вроде того, что именно она раскрыла ей глаза на истинный облик детей, часто сетовала на то, что после смерти Дворецкой семейный бизнес придет в упадок.

– Но вы не пытались ее отговорить, наставить, так сказать, на путь истинный?

– А что я могу? – захлопал глазами нотариус. – Я же не семейный психолог. Существует такое понятие, как «свобода завещания». И если ей угодно было завещать все свое имущество Дроздовой, значит, так тому и быть. Последняя воля – это закон!

Прокурор выдержал паузу.

– Хм! А давайте зайдем с другой стороны. Как известно, завещание пишут в твердом уме и здравой памяти...

– Вы хотели сказать наоборот, – робко поправил нотариус.

– Какая разница! – отмахнулся обвинитель. – Ну, так как у госпожи Дворецкой с этим обстояли дела? Замечали ли вы у нее какие-нибудь странности в поведении?

– Если не брать в расчет содержание завещания, то, пожалуй, она вела себя как обычно.

– Не заговаривалась? А может, она путала цифры и факты, а заодно имена и фамилии людей?

– Нет, ничего такого, – задумчиво ответил нотариус, а затем добавил: – Я в жизни не встречал более трезвомыслящей женщины. Это была ее последняя воля. Но на волю ведь мог кто-нибудь и повлиять.

Последний ответ пришелся в точку. Государственный обвинитель удовлетворенно тряхнул головой.

– Больше вопросов не имею, ваша честь!

– Адвокат Дубровская, ваши вопросы.

– Я отказываюсь от допроса свидетеля.

– Вы хорошо подумали? Боюсь, у вас не будет больше возможности задать ему вопросы. – Председательствующий обеспокоенно смотрел в сторону адвоката.

– Спасибо, ваша честь. Но я воздержусь от допроса.

– Как хотите. Обвинитель, что там еще у вас?

– Позвольте огласить данные экспертиз?

– Пожалуйста.

Прокурор оглядел зал. Публика была в его распоряжении. Она внимала ему, как обычно внимают человеку, устами которого вещает истина. Он был убежден, что зрители мыслят так же, как и он, так же ждут развязки судебного поединка. Правда, адвокат Дубровская несколько смазала картину его триумфа. Он желал подавить ее своими доводами, разбить ее защиту в пух и прах, выставить ее на всеобщее посмешище. К этому были все основания. Но эта адвокатесса, по-другому и не назовешь, продолжала молчать, лишая его блестящей возможности одержать победу в схватке. Невысока цена выигрыша, если ты сражаешься с ребенком или недоумком. В этом случае, по всей видимости, имели место оба варианта.

Эх, была, не была!

– По делу было проведено несколько экспертиз. Согласно одной из них, смерть госпожи Дворецкой наступила от острого отравления цианидом, а если точнее, синильной кислотой. Смерть наступила моментально, поэтому какие-либо реанимационные мероприятия были бесполезны. Судебный медик отметил характерный запах горького миндаля изо рта погибшей, а также ярко-красную оболочку слизистых, что типично для отравления цианидами. Добавлю от себя, что подобные вещества используются в фармакологической промышленности, сельском хозяйстве и в фотографии. Все вышесказанное, на мой взгляд, исключает версию бытового отравления. Смертельная пилюля не случайно оказалась среди безвредных снотворных средств, она умышленно была туда помещена подсудимой!

Судья постучал молоточком по столу.

– Напоминаю обвинителю, что время судебных прений еще не наступило. Выводы будете делать позже.

– Хорошо, ваша честь. Идем дальше. На очереди заключение дактилоскопической экспертизы. На пузырьке с лекарствами и стакане с водой обнаружены хорошо различимые отпечатки пальцев, принадлежащие подсудимой и погибшей Дворецкой. Стало быть, ничья посторонняя рука этих предметов не касалась. Таким образом, версия о постороннем вмешательстве тоже исключается.

– Я уже делал замечание, – возмутился председательствующий. – Неужели надо повторять несколько раз?

– Нет-нет, ваша честь! Азарт, знаете ли...

Судья едва сдержал улыбку.

– Ну, так вот! У нас есть еще почерковедческая экспертиза, согласно которой текст завещания был написан рукой Дворецкой. Никаких данных, свидетельствующих о том, что Вероника Анатольевна находилась в эмоционально неустойчивом состоянии, не выявлено: никаких болезненных реакций, дрожи, волнения. Почерк обычный. Так что она была спокойна, наша бизнес-леди, спокойна, как покойник. Простите, ваша честь, за случайный каламбур!

Елизавета Дубровская готова была плакать от досады. Защита рушилась, а на горизонте, в самой ближайшей перспективе, маячило громкое поражение. А ведь советовали ей знающие люди не браться за это дело, потому что, кроме проигрыша, оно ничего не сулило. Но Дубровская не была бы самой собой, если бы хоть иногда прислушивалась к дельным советам. Она была неисправимая оптимистка и всегда верила в лучший исход. Несколько

раз судьба поощряла адвоката за столь легкомысленное отношение к жизни, но на этот раз, по всей видимости, лимит ее терпения исчерпал себя.

– Вы собираетесь что-нибудь предпринять, черт возьми? – горячился молодой человек, буквально зажав Лизу в темном углу судебного коридора. – Как долго вы собираетесь молчать?

Конечно, Дубровская могла гордо ответить нахалу, что ничем ему не обязана, что всего лишь является защитником по назначению, что, в конце концов, смешно требовать от человека, получающего скромное вознаграждение от государства, заоблачных чудес. Но Лиза была старомодно воспитана и считала неприличным само упоминание о каких-либо денежных обязательствах.

– Понимаете, – пыталась оправдаться она. – Это всего лишь адвокатская тактика. Ну, искусство ведения защиты.

– Чего-чего, а искусства я здесь не заметил, – возразил молодой человек. – Вы сидите, как в рот воды набравши, в то время как прокурор сколачивает эшафот для моей невесты.

– Ну, насчет этого можете быть спокойны, – решила обнадежить его Дубровская. – Смертная казнь, впрочем, как и пожизненное заключение, в отношении женщин не применяется.

– Вы что, издеваетесь? – вспыхнул мужчина. – Анастасия должна быть оправдана. Я знаю, что она не способна на те ужасные вещи, о которых здесь все говорят.

– Если бы еще убедить в этом суд, – приуныла Елизавета. – Вы же видите, что факты ведут нас совсем в другую сторону. Свидетели словно сговорились между собой в любом случае засадить ее за решетку; данные экспертиз – в ту же кучу! Нет, я определенно не встречала такого дела. Полная безнадежность, и ни малейшего проблеска.

– Ну, вы же адвокат, черт подери! Сделайте же что-нибудь.

– Не чертыхайтесь, – обиженно промолвила Лиза. – Я, конечно, адвокат, но не волшебница. Кроме того, ваша невеста тоже была адвокатом, если вы об этом еще не забыли, но что-то я не заметила в ее поведении и проблеска самозащиты. Напротив, она ведет себя неразумно, словно только и дожидается обвинительного приговора.

– Например? Что Настя делает не так?

– Она не была откровенна со мной. Конечно, мне было известно про напряженные отношения с детьми Вероники. Но откуда все эти интриги? Непонятная история с пропавшим браслетом, какой-то прием арабских шейхов, буклеты с зарубежной недвижимостью. А эта ее нелепая выходка в конторе? Видите ли, ковры с вензелями ей понадобились! У нее что, проблемы с головой?

– Да нет. Я уверен, что это просто глупая шутка!

– Шутка? А вы знаете, что такое обнаружение преступного умысла? Нет? Ну, вот то-то же! Ваша невеста выдала свои криминальные планы, да еще в присутствии десятка свидетелей.

– Но что все-таки делать? – В голосе молодого человека звучало отчаяние.

– Я вызову ее для допроса. Может быть, общими усилиями мы сгладим то негативное впечатление, которое осталось у суда после допроса свидетелей обвинения.

– А это получится?

– Возможно. Хотя ручаться за это дело сейчас может лишь только сумасшедший.

«Или сумасшедшая», – добавила она про себя.

– Подсудимая, вы признаете себя виновной в убийстве госпожи Дворецкой Вероники Анатольевны?

– Нет, не признаю.

– Тогда поясните суду, верно ли, что из ваших рук потерпевшая приняла лекарство десятого октября прошлого года?

– Совершенно верно. Это я подала Веронике таблетку снотворного и стакан воды.

– Как известно, потерпевшая приняла внутрь цианид, а не снотворное. Как вы можете объяснить причину этого недоразумения?

– Убийства, – тихонько поправил Дубровскую прокурор, изобразив на лице слащавую улыбку.

Судья стукнул молоточком, призывая к порядку.

– Я никак не могу это объяснить, – пожала плечами Настя.

– Это правда, что вы по настоянию Вероники Анатольевны всегда носили лекарства при себе?

– Да, в небольшой дамской сумочке на плече.

– Было ли такое, что вы оставляли сумочку без присмотра в день празднования юбилея Дворецкой?

Задав вопрос, Дубровская уставилась на подсудимую, словно желая силой мысли передать ей нужный ответ.

«Да. Скажи: да. Забыла на журнальном столике, когда пила коктейль. Повесила на ручку в уборной, а вспомнила об этом через полчаса. В конце концов, ляжка все время соскальзывала с плеча, и с этой проклятой сумкой было так неудобно наслаждаться изысканными кушаньями. Придумай что-нибудь!» – молила она.

– Ни десятого октября, ни в любой другой день я не оставляла сумку с лекарствами без присмотра, – твердо заявила Настя. – Это была просьба Вероники Анатольевны, и я отнеслась к ней со всей серьезностью.

– Кто-нибудь мог без вашего ведома подменить лекарства? – Дубровская отчаянно цеплялась за вопрос.

– Исключено. Вы же понимаете, что это невозможно.

Адвокат едва подавила горестный вздох.

– Почему доктор Пирогов назвал вас убийцей?

– По всей видимости, он решил, что Вероника Анатольевна погибла по моей вине.

– А каковы были ваши взаимоотношения с Пироговым? Не было ли у него по отношению к вам необъективности, предвзятости?

«Скажи, что это был старый сукин сын! Что он невзлюбил тебя с самого начала. Скажи, что он ревновал тебя к Веронике, поэтому придирался на каждом шагу», – посылала Дубровская мысленные импульсы своей подзащитной.

– Иван Васильевич – заслуженный врач, – следовал ответ. – Он искренне любил мою хозяйку и тревожился за ее здоровье.

– Почему же она не доверяла этому заслуженному врачу?

– Потому что больше доверяла мне.

– Вы слышали показания детей Вероники Анатольевны. Не считаете ли вы, что они настроены против вас?

– Это же естественно. Меня обвиняют в убийстве их матери. Как они должны еще реагировать?

«Боже мой, да у нее в голове солома!»

– А как вы относитесь к случаю, рассказанному адвокатом Плюхиным? Вы на самом деле вели подобные разговоры по телефону?

– Да, это правда.

– Вы что, на самом деле собирались все это купить?

– Нет. Я просто пошутила.

– Позвольте узнать цель этой шутки?

– А что, у шутки бывает цель?

– С меня довольно! – в бешенстве крикнула Дубровская, адресуя реплику молодому человеку, который буквально бежал за ней. – Если вашей невесте не терпится надеть петлю на шею, я умываю руки!

– Елизавета Германовна, подождите. Ну, постойте же! – Он схватил Лизу за руку. – Чем я могу помочь? Ну, хоть что-то я могу сделать для Насти?

– Конечно, – она перевела дух и даже улыбнулась. – Взять вину в убийстве Дворецкой на себя...

– К стене. Руки за спину.

Запястья обхватили холодные кольца наручников.

– Пошла вперед!

Настя двинулась как робот, механически передвигая ноги.

– Освободить коридор!

Они следовали по узкому проходу, а посетители, вставая с насиженных мест, поспешно удалялись в сторону окон и лестничных пролетов, чтобы даже краешком одежды не задеть эту угрюмую женщину в тюремных браслетах. Словно она была прокаженной, словно она могла кинуться на них. А ведь было время, она сама так же пробегала по судебному коридору, звонко постукивая каблукками, невольно вздрагивая каждый раз, когда мимо нее проводили человека в наручниках. Боже мой, это ведь было полгода тому назад!

– Позвольте один вопросик! – к ней кинулась молодая женщина с блокнотом в руках. – Как вы собирались потратить состояние Дворецкой? Правда, что оно оценивается в сто миллионов долларов?

Настя остановилась как вкопанная, натолкнувшись на любопытные, ждущие сенсации глаза.

– Да вы ополоумели, что ли, гражданка? – изумился конвоир. – А ну брысь с дороги! А ты давай топай. Чего остановилась?

Она получила ощутимый толчок в спину и двинулась вперед, словно лошадь по требованию кучера.

– Я, между прочим, журналистка, – летел по коридору звонкий голос. – Скажите все-таки, если бы у вас была возможность вернуть время назад, вы поступили бы точно так же?

Вернуть назад время? Настя вздрогнула. Это был бы выход...

Полгода назад...

Настя Дроздова выскочила из подъезда своего дома, преодолев последние две ступеньки крыльца одним прыжком.

– Куда торопишься, красавица? – догнал ее вопрос старого соседа.

– На работу, дядя Миша! – весело ответила она. – У меня сегодня первый рабочий день.

– И кто ты теперь у нас?

– Адвокат, я – адвокат!

– Ух, ты! Стало быть, ты теперь важная птица. Что же, прикажешь теперь тебя по отчеству величать? Евгеньевна, значит?

– Бросьте, дядя Миша. Для вас я по-прежнему Настя. Если у вас появятся какие-нибудь вопросы, заходите, не стесняйтесь!

– Нет уж, – упрямо качал головой старик. – Адвокат – это мне не по карману!

Дроздова с наслаждением подставила лицо яркому солнечному свету. Еще нет и девяти часов, а воздух на улице уже нагрелся. Никакой утренней прохлады нет и в помине. Значит, день снова будет жарким, и свободные от работы горожане двинутся за город, поближе к речкам, озерам и ручейкам, где, подставив полуобнаженные тела солнцу, будут наслаждаться дивным сочетанием жары и водной свежести. Находиться в городе в такие дни означало подвергать себя добровольной пытке. Но Настя и не думала роптать. Она спешила на новую работу, и прохожие, завидуя столь искренней радости на лице незнакомой девушки, невольно оглядывались ей вслед. Хотя, возможно, для этого была и другая причина.

Настя Дроздова не являлась красавицей в строгом понимании этого слова, но это было неважно, поскольку любой мужчина старше шестнадцати лет и моложе семидесяти признал бы ее весьма привлекательной особой. У нее было приятное лицо с умными серыми глазами, роскошные, пепельного цвета волосы и точеная фигурка, доставшаяся ей в наследство от матери-танцовщицы. Но ни ямочки на щеках, ни по-детски припухлые губы не могли обмануть внимательного собеседника. В ее взгляде, в манере поведения чувствовалась сила, несколько смягченная неоспоримым женским очарованием. Но, во всяком случае, назвать ее «милочкой» или «душечкой» мог только весьма недалекий молодой человек. Большинство из них, осознавая ее привлекательность, замечали еще и другие, не менее ценные достоинства: веселый нрав, доброжелательность и сообразительность. Правильнее сказать, Настя была умна, но это качество мужчины неохотно признают в женщинах, тем более в молодых и симпатичных блондинках...

Анастасия, поправив ладно сидящий на фигуре деловой костюм, зашла в помещение адвокатской конторы «Правозащита», с волнением осознавая, что делает первые шаги в новую, волнующую жизнь. Какой она будет, Настя пока представляла себе плохо, но почему-то была уверена в том, что ее ждет впереди только хорошее...

В холле юридической конторы на стене висели фотографии адвокатов, теперь уже коллег Дроздовой. Судя по всему, в небольшом помещении, состоящем из трех комнат, работали два десятка высокопрофессиональных юристов, к числу которых и должна была присоединиться новенькая Дроздова.

«Скоро здесь будет и моя фотография», – с улыбкой подумала она, внимательно разглядывая цветные глянцевые снимки, словно пытаясь отгадать, придется ли ей по душе новый коллектив. Конечно, всех она запомнить не смогла, но вот о некоторых из своих коллег она уже получила представление.

Итак, заведующий, Рыков Петр Иванович. Круглолицый мужчина, в очках. Выглядит респектабельно, как и полагается настоящему адвокату.

«Он будет замечательным начальником, – подумала Настя. – Строгим, но справедливым. Он познакомит меня с коллегами, и в его лице я обрету хорошего наставника. Быть может, он мне подкинет для начала несколько несложных дел, чтобы я могла разобраться в тонкостях адвокатской кухни».

А вот красивая молодая женщина: Воробей Елена Михайловна. Струящиеся черные волосы, ярко-синие глаза.

«Могу заключить пари, Воробей и Дрозд обязательно подружатся, – решила для себя Настя. – Мы еще будем сидеть в кафе после окончания процесса и, вызывая неодобрение официантов, громко смеяться, вспоминая детали судебного поединка».

Кто еще? Плюхин Артур Всеволодович. Лысеющий, улыбающийся мужчина в галстуке.

«Балагур, любит рассказывать анекдоты, может стать душой любой компании. Развеселит, когда на душе скребут кошки. Поможет в любой ситуации, только попроси».

Были, конечно, и другие фотографии, но, бегло осмотрев ряды совершенно незнакомых лиц, Дроздова уже успела себя поздравить. Ей чрезвычайно повезло с коллегами. Работа на новом месте станет для нее истинным удовольствием...

– Вы на прием? – спросил рядом чей-то густой бас.

Настя оглянулась. На нее вопросительно смотрел круглолицый мужчина в очках. «Да ведь это же мой начальник!» – подумала она и, призвав на помощь одну из своих самых ослепительных улыбок, торопливо произнесла:

– В какой-то мере на прием. Петр Иванович, я – ваш новый адвокат. Рада с вами познакомиться.

– А почему вы обращаетесь ко мне? – удивился мужчина.

– Ну, так как же? Разве не вы мой новый начальник, Рыков Петр Иванович?

– Петр Иванович – это я! – прозвучал недовольный голос, в котором явно прослеживались сварливые интонации. Рядом с ней материализовался, словно из воздуха, маленький, круглый человечек. Он оказался значительно ниже Насти. – Между прочим, я не начальник, а заведующий.

– Простите, – пробормотала Настя.

– Прощаю. Ступайте ко мне в кабинет. Дверь рядом со шкафом.

Анастасия озадаченно огляделась. В холле было два шкафа и две двери. Какая же из них ей нужна? Она направилась к той, которая была ближе.

Попав в маленькое помещение, девушка остановилась на пороге. Конечно, она перепутала двери. Здесь, должно быть, располагался архив адвокатской конторы. На полках от пола до потолка теснились всевозможные папки и картонные коробки, доверху набитые бумагой. У окна стоял старый письменный стол, на котором помещался такой же древний телефонный аппарат. На подоконнике, заваленном пластиковыми файлами, гордо высился электрический чайник.

В спертom воздухе явно ощущалась пыль, и у Насти защеботало в носу. Она выскочила в холл, где заведующий по-прежнему разговаривал с одним из адвокатов.

– Что-то не так? – спросил он. – Кажется, я просил вас подождать в кабинете.

– Я перепутала двери, – смущенно улыбнулась она. – И попала в какой-то чулан.

Мужчины недоуменно переглянулись, но потом лицо Рыкова приобрело цвет вареной свеклы.

– Нехорошо начинаете, коллега, – процедил он. – Конечно, я ценю юмор, но ехидство и насмешки меня раздражают.

Тут только до Дроздовой дошло, какую она сделала глупость. Она стала бормотать извинения, но начальник остановил ее небрежным кивком головы:

– Ступайте в кабинет.

Настя повиновалась. Что ей еще оставалось делать? Освободив от бумажного хлама стул, она уселась с видом приговоренной к казни и стала дожидаться своего палача.

Когда Петр Иванович наконец-то появился, по его веселому расположению духа Дубровская поняла, что гроза миновала. Судя по всему, Рыков был отходчивым человеком. Он уселся за стол, привычным движением смахнув на пол ненужные бумаги.

– Ну-с, и чья вы дочь? – спросил он весьма дружелюбно.

– Что? – переспросила Настя. – В каком смысле?

– В самом прямом, разумеется. Кто ваши отец, мать? Как, вы говорите, ваша фамилия?

– Дроздова.

Петр Иванович нахмурился.

– Дроздова, Дроздова... Что-то не припоминаю.

– Да откуда же вам меня знать, – удивилась Настя. – Ведь вы меня видите в первый раз.

– Ну а родители?

– Они не имеют никакого отношения к адвокатуре. Хотя отца я не знала вообще, а мама когда-то танцевала в балете, ну а потом взялась преподавать в студии народного танца.

– Какой балет? Какие танцы? – оторопел Рыков. – Вы что, издеваетесь надо мной?

– Нет-нет, – заверила Настя. – Просто мамы нет уже полгода, так что вся эта самостоятельность осталась в прошлом.

– Так откуда вы взялись?

– Как откуда? Я успешно сдала квалификационный экзамен, и меня направили к вам.

– Вы хотите сказать, что попали к нам просто так, с улицы?

– Ну, примерно так.

– Час от часу не легче!

Анастасия огорчилась. Похоже, заведующий был не особо рад видеть в стенах своей конторы новую сотрудницу.

– Не знаю, что вам и сказать, дорогая, – помолчав, сказал Рыков. – Конечно, я не выставлю вас за дверь, но, честно говоря, я не представляю, как вы здесь будете работать.

– А что, есть какие-то проблемы?

– Есть, – захрустел он костяшками пальцев. – Вам наверняка известно, что адвокатская деятельность предполагает значительные затраты: плату за аренду помещения, за рекламу, за труд бухгалтера и уборщицы, а также взносы в пенсионный фонд и в адвокатскую палату. Кроме того, существует вступительный взнос за возможность трудиться в нашем славном коллективе.

– И это мне придется оплачивать с моих первых гонораров? – ужаснулась Анастасия.

– В том-то и дело, что нет. Вы должны будете платить ежемесячно, вне зависимости от того, есть ли у вас клиенты или нет.

– Постойте, но откуда же тогда мне взять деньги?

– Боюсь, это мало нас интересует. – На лице Рыкова появилось выражение искренней скорби. – Откровенно говоря, я не представляю, как вы со всем этим справитесь, деточка.

– Но вы не могли бы помочь мне м-м-м... найти клиентов?

– Ну, что вы! – воскликнул Рыков. – Здесь вам не благотворительная организация. Здесь каждый отвечает сам за себя!

Должно быть, на лице новенькой отобразилась крайняя степень отчаяния, потому что начальник, испытав несвойственное ему сострадание, принял непростое решение.

– Ладно. Кое-что я могу для вас сделать, – заявил он и несколько раз ударил рукой по стене. – Эй, кто-нибудь. Подойдите сюда!

Через минуту на пороге появился невысокий, коренастый человечек с чахлой растительностью на голове. Прежде чем Анастасия успела сказать что-нибудь, он галантно представился:

– Артур Плюхин. К вашим услугам.

«Это тот самый балагур и весельчак», – вспомнила Настя.

– Артур, – попросил его заведующий. – Не в службу, а в дружбу, возьми-ка ты шефство над нашей молодой коллегой. Покажешь ей, что тут и как.

– С удовольствием, – улыбнулся Артур, ощупывая Настю внимательным взглядом.

– Ну, вот. Идите, – благословил их Рыков, не без облегчения вздохнув. Он рад был сбросить с плеч утомительную ношу. Тем более он успел сделать доброе дело, от этого ему становилось вдвойне приятно.

– Эй, постойте! Как там вас? – вдруг вспомнил он.

– Анастасия Евгеньевна, – назвалась Настя.

– Не забудьте, взнос должен быть уплачен в течение месяца, иначе выгоним, – сказал он. – А также не забывайте про всякие там налоги!

Он махнул рукой, показывая, что аудиенция закончена...

– Я поздравляю вас, – проговорил Артур, как только они оказались вдвоем в пустом холле. – Впервые в наших стенах, и уже столько шума. Вы имели успех.

– У кого? – бестолково спросила Настя.

– Неважно. Знаете ли, мне кажется, что мы с вами подружимся. – Он придвинулся к девушке, и она ощутила запах мятной жвачки из его рта. – Считайте, милая, что вы вытянули сегодня счастливый лотерейный билет.

– Почему?

Он пододвинулся еще ближе и одной рукой обнял ее за талию.

– Вы не знаете, кто здесь главный сексапил? – негромко спросил Артур, буравя ее плотоядными глазками. – Тебе повезло, детка, я мужчина, что надо.

– Я польщена, – насмешливо сказала Настя. – Но на «ты» мы, кажется, еще не переходили.

– Так в чем проблема? – удивился он. – Давай перейдем.

– Не выношу фамильярности, – призналась она.

– А ты расслабься, крошка. Держись меня, и ты покоришь адвокатский Олимп...

В помещении, куда они попали, было полным-полно столов и адвокатов. Честно говоря, у Анастасии голова пошла кругом от суматохи, царившей в офисе. Попеременно звонили мобильные телефоны. Адвокаты вели долгие переговоры, успевая перекидываться репликами с коллегами. Кто-то консультировал клиента, кто-то собирался перекусить. На подоконнике надрывно свистел чайник. Стучали ящики столов, шелестели страницы. Кто-то кашлял, а кто-то чихал.

– И что, я буду работать *здесь*? – спросила она.

– Что, впечатляет? – гордо спросил Артур. – Считай, что тебе повезло. Не каждому удается тут пристроиться. Сидеть будешь вон там.

Он показал ей на столик в углу, где лежала стопка книг и стояла фотография в рамочке с изображением забавного малыша.

– Но здесь уже кто-то сидит, – возразила Настя.

– Совершенно верно, – ничуть не смутился он. – Кроме тебя, за этим столом работают еще два адвоката.

– Но как же мы будем сидеть втроем? – удивилась она.

– Нет ничего проще. Будете работать по очереди.

– Это как?

– Экая ты дурочка! Ну, как тебе объяснить? Адвокаты – народ очень занятой, поэтому невелика вероятность, что вы встретитесь втроем за одним столом. Пока они будут заняты в суде, ты будешь полноправной хозяйкой своего рабочего места. Ну, а когда вернутся в контору – тогда извини, пересядешь куда-нибудь на свободное место.

– Мне нужен другой стол! – твердо заявила Настя. – Я не могу сидеть здесь!

– И не надо, – улыбнулся он, переходя на громкий шепот. – Мы можем сидеть вместе. Я уступлю тебе краешек своего стула или ты предпочитаешь колени?

Настя содрогнулась. Она прошла на свое место и без сил опустилась на стул. Это был акт капитуляции. Она сдалась...

Делать ей было совсем нечего. Она разложила перед собой несколько тоненьких брошюр и углубилась в чтение Уголовного кодекса. Вскоре она поняла, что пытаться сосредоточиться, работая в муравейнике, – это пустая трата времени.

Настя оглянулась вокруг и встретила глазами с молодой красивой женщиной. Она сидела за соседним столом и бесцельно вертела в руках дорогой мобильный телефон. Черные волосы шелком падали на ее плечи, а яркие синие глаза удивительно гармонировали с кофточкой цвета летнего неба.

– Привет! – сказала Настя.

Женщина уставилась на нее, как на привидение.

– Меня зовут Анастасия Дроздова. Я – ваша новая сотрудница.

Ее коллега, похоже, была немой.

– Можете не представляться, – улыбнулась Настя. – Кажется, я знаю, как вас зовут. Елена Соловей. Угадала?

Небесные глаза коллеги заволокла гроза, и они стали почти черными.

– Артур, кто это такая? – визгливо спросила она.

– Наша новенькая адвокатесса, – отозвался Плюхин, доставая из портфеля бутерброды с колбасой. – Она же тебе уже сказала.

– Пока я услышала только оскорбление.

У Анастасии округлились глаза.

– Да-да. Она назвала фамилию Соловей, а, между прочим, я – Воробей!

– Она не хотела, – вступился Артур, пронзая колбасу зубами.

– Я не хотела, – подтвердила Настя. – Я просто перепутала. Простите за ошибку. Хотя я не совсем понимаю, почему это вас так задело. По-моему, Соловей звучит более романтично, чем Воробей.

– Артурчик, это невыносимо! – заявила Елена тоненьким голоском. – Если ты в ответе за эту девицу, прошу, призови ее к порядку. Не хватало еще на собственном рабочем месте выслушивать гадости.

Плюхин, не без сожаления, оставил колбасу и повернулся к Анастасии.

– Голубушка, будьте внимательны, – попросил он. – Я думаю, что ошибок на сегодня было предостаточно. Дайте нам передышку.

Настя вынуждена была признать, что на сей раз Артур говорил истинную правду. За первый свой рабочий день она умудрилась сделать слишком много досадных промахов. Нужно было во что бы то ни стало исправлять положение. Сомнений, что у нее все получится, не было никаких...

«Как бы я хотела знать, мамочка, что ты сейчас обо мне думаешь? Видишь, твоя дочь стала адвокатом. Ты ведь об этом так мечтала. Помнишь?»

Настя обращалась к снимку в кожаной рамке, где была запечатлена совсем еще молодая женщина с печальными серыми глазами. Внешне мать и дочь были очень похожи между собой. Глядя на Веру Дроздову, можно было с большой определенностью сказать, как будет выглядеть Анастасия через двадцать лет.

«Ты всегда останешься стройной, а твоей походке будут завидовать, – предсказывала мать. – Вот только я не хочу, чтобы ты повторяла мои ошибки».

Складывалось впечатление, что весь жизненный путь Веры Дроздовой был чередой промахов и неудач. На самом деле, конечно, все было не так. Ошибок было две, но обе они, на ее взгляд, имели фатальные последствия. Первой из них был балет.

Вера окончила хореографическое училище, куда она попала вопреки воле родителей. Те мечтали о серьезной, скучной, но основательной профессии для своей дочери – бухгалтерии или юриспруденции. Но девушка видела свое будущее на сцене Большого театра. Ей прочили блестящую карьеру, но как-то так сложилась ее жизнь, что о высоких подмостках пришлось позабыть по причине весьма банальной – она влюбилась!

Вторая ошибка предстала перед ней в образе высокого красивого мужчины весьма зрелых лет. Евгений был начальником крупного предприятия, человеком занятым и несентиментальным. Ухаживал он за Верочкой стремительно, как и подобает мужчине, значительная часть жизни которого отводится под совещания и планерки. В первый же вечер он отослал в гримуборную юной танцовщицы корзину роз с небольшой открыткой: «Вы были великолепны. *Ваш Е.*». Кто такой этот *Е.*, Верочка, конечно, не поняла, но сердце ее сладко замерло в предвкушении романтического приключения. После этого каждый вечер после ее выступления он посылал ей небольшие, но очень милые подарки: коробочку конфет с приколотой орхидеей, флакон духов, газовый шарфик или изящную статуэтку. Будучи особой воспитанной в духе строгих семейных традиций, Верочка, конечно, знала о том, что порядочная девушка не должна принимать презенты от незнакомого мужчины. Но в подношениях незнакомца чувствовался тонкий вкус и четко выверенная стратегия завоевания девичьего сердца. Это были всего лишь знаки внимания от одного из почитателей ее таланта.

Личная встреча с *Е.* несколько смутила девушку. Ее поклонником оказался не пылкий юноша, которого она уже успела нарисовать в своем воображении, а зрелый мужчина с седыми висками. Правда, Верочка колебалась недолго. Новый знакомый был так не похож на юнцов с лоснящимися лицами, с которыми девушке чаще всего приходилось иметь дело, что она сдалась практически без боя. *Е.* был старомоден и галантен, он цитировал поэзию Серебряного века, а, поднося ей очередной букет, становился на одно колено.

Потом были ужины при свечах, ночные катания в автомобиле по городу и поздние пробуждения в номерах класса люкс.

«Видишь ли, милая, – признавался *Е.*, – я бы ни на секунду не задумался, чтобы привести тебя в свою берлогу, но увы! – я живу там не один, а со старенькой мамой. Боюсь, ее шокирует наше появление. Я не молод, а связь с такой юной девушкой воспринимается в нашем обществе с предубеждением. Давай пока сохраним наши отношения в секрете. Ты не возражаешь, мой ангел?»

«Нет, конечно. Но, милый *Е.*, у нас есть будущее?» – спрашивала Верочка, старательно скрывая разочарование.

«Конечно! – восклицал он. – Но мы ведь должны проверить наши отношения». Замечая, что лицо любимой омрачает грусть, *Е.* не выдерживал. «К черту условности! – кричал он. – Сегодня же поговорю с мамой. Хотя, если рассуждать здраво, ее нужно сначала подготовить. Не дай бог ее сердце не перенесет такой радости».

Верочка, конечно, соглашалась. Ей вовсе не хотелось стать причиной чьей-то преждевременной смерти. Судя по всему, переговоры с престарелой маменькой затягивались, но девушка и не думала роптать. *Е.* выделил ей средства на покупку свадебного наряда. Она

часами просматривала модные журналы, выбирая фасон для платья. Все это требовало длительного обдумывания и тщательной подготовки, поэтому время в приятных хлопотах проходило незаметно. Так же незаметно пришли первые предвестники беременности: легкая тошнота, головокружения и слабость. «Это восхитительно, мой ангел, – говорил Е., кружа ее по комнате. – Но ты уверена, что ребенок не помешает твоей карьере? Может, лучше бы... – дальше следовала многозначительная пауза. – Ах, об этом я просить не вправе». – «Ребенок – это плод нашей любви», – упрямо заявляла Верочка. «Конечно, – охотно соглашался он. – Но ты ведь понимаешь, что для разговора с маменькой теперь потребуется еще немного времени». Она, конечно, мало что понимала, но ей так хотелось быть идеальной женщиной, мягкой и податливой, как кошечка. Короче, она дожидалась, а время шло.

«Дура! – сказал ей режиссер театра, увидев на репетиции ее заметно округлившийся живот. – Делай, что хочешь, но к началу сезона ты должна быть в форме». – «Но сезон открывается через два месяца, я не могу родить за этот срок», – возражала она. «Дважды дура! – говорил он. – Кто здесь говорит про роды? Избавься от плода, и делу точка». – «Не бывать этому!» – твердо заявила она. «Ну, тогда – скатертью дорога, – напутствовал режиссер. – Место примы пусто не бывает». Она ушла из театра, громко хлопнув дверью.

«Не расстраивайся, дорогая, – утешал ее Е. – Я тебя устрою в самую лучшую труппу. Ты еще будешь танцевать главные партии. А пока готовься к свадьбе. Я уезжаю на месяц. Маменька дала согласие на наш брак. Смотри, чтобы к назначенному сроку платье было готово!»

Платье было готово задолго до дня свадьбы. Белое, с изящной розовой оборкой, оно топорщилось на манекене и напоминало воздушное пирожное со сливками. Верочка то и дело крутилась перед зеркалом, примеряя фату и белую накидку, отороченную мехом, которая должна была скрыть от гостей округлившиеся формы невесты.

В назначенный день Е. не приехал. Не приехал он и через неделю. Дрожащей рукой Верочка набрала телефонный номер жениха. «А кто его спрашивает?» – голос в трубке звучал не по-старчески резко. «Его невеста, Верочка Дроздова. Вы наверняка слышали обо мне». – «А как же. Верочка, говорите? Так вот, милое дитя, Е. умер. Просьба сюда больше не звонить». – «Как умер? – недоумевала девушка. – Он не мог так просто умереть. Мы же должны были обвенчаться. Кроме того, я жду ребенка». На том конце провода повисло недолгое молчание. «Видите ли, милая, люди иногда умирают просто так, не спросив нашего позволения. Если вам нужна денежная компенсация...» – «Да не нужна мне никакая компенсация, мне нужен мой жених». – «Ничем не могу вам помочь», – следовал ответ.

Да и чем тут можно было помочь? Жизнь Верочки превратилась в одну сплошную черную полосу. Она потеряла работу и жениха, а также и свою мечту о тихом семейном счастье.

Девочка родилась в срок и была наречена Анастасией. С самого своего раннего детства она усвоила два важных материнских урока. Первое – никогда не связывайся с балетом. Второе – не заводи ребенка без семьи. Сама Вера поставила на балетной карьере жирный крест. В театр ее больше не брали, и она, чтобы прокормить себя и свою маленькую дочь, вынуждена была перебиваться частными уроками хореографии и местом скромного преподавателя народных танцев в местном Дворце культуры.

«Выбирай себе правильную профессию. Не мечтай о звездах, но сделай все для того, чтобы твоя работа могла тебя прокормить», – напутствовала она дочь. Настя, разумеется, во всем с ней соглашалась. Она поступила в юридическую академию и даже с блеском ее окончила. Только об одном она не говорила матери. О звездах она не перестала мечтать. Но это были не яркие вспышки софитов на большой сцене, а громкие аплодисменты почитателей ее адвокатского таланта...

– Будешь вести прием граждан, – заявил ей на следующее утро Плюхин. – Разумеется, под моим чутким руководством. Посмотрим, на что ты способна.

Настя хотела было напомнить милому наставнику о своей нелюбви к фамильярности, но в последний момент передумала. В конце концов, она же решила быть любезной с коллегами...

Первым в числе страждущих был худенький старичок с палочкой. Он окинул Настю цепким взглядом и сморщился, словно ему дали плотнуть уксуса.

– Молодая еще! А что, никого опытнее в этой богом забытой дыре не имеется?

– Анастасия Евгеньевна – наш новый сотрудник, – расплылся в приветливой улыбке Плюхин. – Вы можете смело ей довериться. Но чтобы вам было спокойнее, я буду страховать мою молодую коллегу. Таким образом, вы получите рекомендации сразу двух юристов.

– Черта с два! – разозлился старик. – Я не буду оплачивать труд двух бездельников.

– Вы оплатите только одну консультацию, – успокоил его Артур. – Ну, выкладывайте, в чем ваша проблема?

Дед расслабился и, приставив палку к столу, наконец заговорил:

– Надо мной, этажом выше, живет препротивный сосед, законченный выжига, хулиган и хам...

«Своеобразное сочетание, – подумала про себя Настя. – И кто такой выжига?»

– У него жена, помимо тряпок, духов и модной музыки, ни в чем не смыслит. У него ужасный маленький ребенок, который со мной не здоровается и бесконечно визжит. Эта семейка превратила мою жизнь в ад. Вечером его жена включает музыку и дергается под нее так, что у меня ходит ходуном люстра. Мальчишка возит по полу машинки, а когда заходится в истерику, колотит ногами по паркету. А у меня, между прочим, давление, и мне доктор рекомендовал покой и тишину.

– Вы не пробовали переговорить со своим соседом? – задал вопрос Артур.

– А чем, думаете, я столько времени занимаюсь? – обозлился старик. – Понятное дело, как только эта чертова семейка берется за свое обычное занятие, портит кровь нормальным жильцам, я колочу им по трубе вот этой самой палкой. – Дед схватил клюку и пару раз, для убедительности, стукнул ею по полу. – Но это на них почти не действует. Поэтому я иду наверх и вежливо прошу их вырубить музыку, заткнуть рот мальчишке и дрыгать ногами под музыку не дома, а в спортивном клубе. И, заметьте, говорю все тихо и интеллигентно.

– Надеюсь, соседи идут вам навстречу? – выразил надежду Плюхин.

– Как бы не так! – дедуля перешел на фальцет. – В последний раз, когда я наведалься к ним домой с очередной претензией, этот гнусный тип обозвал меня старым козлом. При этом его жена оглушительно хохотала, а их невыносимый ребенок показывал пальцами рога.

– Ну, и теперь...

– Теперь я хочу привлечь негодяя к ответственности. Пусть ответит за «козла».

– Понятно, – Артур повернулся к Анастасии: – Ваш совет, коллега...

Дроздова даже порозовела от волнения. В юридической академии она любила заниматься уголовным правом и считала, что в этой отрасли права она особенно преуспела. Сейчас ей был дан замечательный шанс показать свое мастерство.

– Итак, – начала она тоном преподавателя. – Статья 129 Уголовного кодекса предусматривает ответственность за клевету. Полагаю, это как раз ваш случай. Непосредственным объектом этого преступления являются честь и достоинство личности. Они ведь у вас пострадали, не так ли?

– Еще как! – воскликнул дед, хватаясь за палку.

– Ну, так вот. При решении вопроса о том, порочит ли вас подобное утверждение, суд будет учитывать ваше мнение, а также мнение общественности. Вот вы себя козлом не считаете?

– Чего? – насторожился старик.

– Я так и думала, – кивнула головой Настя. – А вот жильцы дома, то есть общественность, разделяют точку зрения вашего соседа?

Клиент обалдело закрутил головой.

– Тут я вас должна предупредить. – Анастасия придала своему лицу крайне серьезное выражение. – Вы можете проиграть дело.

– Как? – завопил старик. Кажется, к нему присоединился еще и Плюхин, но Настя уже ничего не замечала. Она плутала в дебрях юридических терминов, не обращая внимания на то, что ее наставник делал ей какие-то странные знаки.

– Видите ли, – глубокомысленно заявила она, – если ваш сосед докажет, что выражение «козел» не порочит вашу честь, а является лишь констатацией факта, то ответственности он нести не будет. За правду ведь не отвечают, даже если она кажется иногда обидной.

– Да вы что? – вскочил с места дед. – Решили доконать пенсионера?

Он схватил клюку так порывисто, что Анастасия даже отшатнулась. Не ровен час, злобный старик превратит ее в отбивную.

– Пойдите, вы все не так поняли! – попытался исправить положение Плюхин.

– Ваша милая подружка назвала меня козлом! И это вместо обещанных рекомендаций, – клиент брызгал слюной. – Я на вас найду управу. Вы мне за все ответите.

Дед резво направился к выходу. Судя по всему, эта маленькая перепалка благотворно подействовала на его здоровье. Во всяком случае, тростью он почти не пользовался.

Возле двери его догнал возмущенный голос Дроздовой.

– Позвольте, а где же гонорар за консультацию?

– Однако, дорогуша, ты перегнула палку! – заметил Плюхин, переводя дух. – Даже если клиент и является старым козлом, вовсе не обязательно ему об этом говорить. Кроме того, где ты изучала уголовное право?

– В юридической академии, – гордо ответила Дроздова. – А что, впечатляет?

– Конечно, – хихикнул Артур. – Особенно когда ты путаешь оскорбление с клеветой. Почитай кодекс, моя милая, и заруби на своем распрекрасном носу: для оскорбления не имеет значения, соответствует ли отрицательная оценка потерпевшего действительности или нет. Так что выражение «козел» в обращении к человеку – это всегда оскорбление, вне зависимости от того, прячутся ли под волосами гражданина козлиные рога или нет.

Настя почувствовала, как краска заливает ее лицо...

Второй клиент был шумный, косматый, с густой бородой. Он ввалился в помещение и, казалось, занял собой все свободное пространство. Поставив большую корзину на стол, прямо перед носом опешившей Анастасии, он громко оповестил всех адвокатов:

– Яйца!

– Яйца, что? – робко спросила его Настя.

– Вам яйца! – И, сообразив, что, по всей видимости, его никто не понимает, решил объясниться: – Ну, за консультацию же нужно платить. Так вот затем и яйца!

– Уберите это. Не полагается, – запротестовала было Настя, но вездесущий Плюхин тут же поставил ее на место.

– Оставь его, детка, – прошипел он ей на ухо. – Разве ты не видишь, что у него нечем платить? С паршивой овцы хоть шерсти клок. – И, громко обращаясь к бородатому мужику, разрешил: – Ставь корзину сюда. Яйца-то хоть свежие?

– Обижаете, начальник. Только что от несущки забрал.

– Ну ладно, ладно. Что надо-то? Зачем приехал?

Бородач начал рассказывать длинную деревенскую историю, перемежаемую иногда красочными прибаутками да громким сморканием в несвежий платок. Суть ее сводилась к следующему. Племенной бычок Борька, гордость и отрада хозяина, помимо своих внешних достоинств, обладал явно выраженным вздорным нравом. И поэтому значительную часть своего досуга проводил возле плетня на цепи. Шатаясь по замкнутому кругу день-деньской, скотина от нечего делать посматривала на соседний участок, где в поте лица трудились бабка Матрена и дед Ерофей. В один не самый прекрасный для бородача день бык выдрал из земли кол с цепью, снес плетень и вторгся в пределы соседских владений. Бабка отделалась легким испугом, а вот дед Ерофей, получив неплохое ускорение от удара рогами, взлетел вверх, а потом шлепнулся на пятую точку в корыто со свежим навозом. Юридически подкованные крестьяне мигом накатали иск в суд о возмещении материального и морального вреда. Дескать, пострадали штаны кормильца семьи, купленные в сельпо за сто рублей; рубаха стоимостью в пятак, с учетом износа; но самое главное, безвозвратно был испорчен сотовый телефон, не в добрую минуту оказавшийся в заднем кармане штанов. Электроника, погруженная в свежий запашистый навоз, отказалась работать наотрез. Кроме того, честь и достоинство деда Ерофея оказались также подмоченными известным продуктом, посему моральный вред крестьянин оценил в пять тысяч рублей.

– Могут ли меня посадить в тюрьму? – резюмировал свои словесные излияния бородач. – И как уличить подлеца Ерофея во лжи? Я-то знаю, что никакого сотового телефона у него отродясь не было. Должно быть, его сынок, проживающий в городе, отдал ему старую, негодную трубку. А теперь он просит за нее целых три тысячи! Спрашивается, где справедливость?

– Ваш диагноз, коллега? Будет ли жить после всего этого наш пациент? – адресовал Артур право ответа Анастасии. А сам в это время вертел в руках яйцо, нюхал его и даже смотрел на просвет.

– Значит, так, – бодро начала Настя. – Ваш случай урегулирован гражданским законодательством. Стало быть, об уголовной ответственности речь мы вести не будем.

– Чегось? – встревоженно спросил бородач.

– Она хочет сказать, что в тюрьму вас не посадят, – перевел Плюхин. – Валяй дальше, Дроздова.

Настя, подавив волну возмущения, решила продолжить:

– К источникам повышенной опасности можно отнести многие объекты, не перечисленные в нормах Гражданского кодекса. Например, животных. В вашем случае бык Борька, как животное физически сильное и неуправляемое, стал подобным источником. Вы, как собственник крупного рогатого скота, должны были обеспечить такие условия его существования, которые гарантировали бы вашим соседям спокойствие и безопасность. Судя по всему, вы пренебрегли этими требованиями.

– Я ничего не понимаю, – хныкнул бородач, обращаясь к Артуру.

– Она говорит, что крепче привязывать нужно было скотину, а еще лучше – держать ее в специальном загоне. А теперь придется платить.

– А что же насчет телефона? – расстроился мужик, вытирая вспотевший лоб собственной бородой.

– Так что же насчет телефона, Дроздова? – ехидно спросил коллега.

– Здесь есть некоторая надежда, – заметила Настя. – Нужно провести экспертизу. Взять экспериментальный образец навоза из корыта и соскоб содержимого с внутренней поверхности телефона. Если они не совпадут по свежести и составу, то вы сумеете доказать подложность представленного истцом доказательства.

– А как называется подобная м-м-м... экспертиза, коллега? – поинтересовался Плюхин.

– Кажется, почвоведческая, – неуверенно проговорила Настя, чувствуя, что предательская краска щекочет ее уши.

– А я думал дерьмоведческая, – хохотнул Артур. – И кто же, позвольте спросить, будет оплачивать труд научного персонала? Наш коллега своими яйцами?

– Яйцами могу и картошкой могу, а вот деньгами нет, – ухватил последнюю фразу бородач.

– Не надо ничего платить, – успокоил его Артур. – Просто потребуйте от деда Ерофея кассовый чек о стоимости телефона и техническое заключение из мастерской о причине его поломки. Увидите, дед не захочет с этим возиться. Нужен ему такой геморрой?

Он вытащил еще одно яйцо из корзины.

– Ну что, заслужила наша адвокатесса пару яиц? Говорят, они способствуют усилению мозгового кровообращения даже у самых безнадежных тупиц...

Проходили дни, недели, а Анастасия, почти осязаемо ощущая, как стремительно мчится вперед время, начала паниковать. Клиенты не спешили заручиться ее услугами, а за два с половиной месяца пребывания в роли адвоката она заработала гроши. По всей видимости, Рыков не кривил душой, когда говорил, что ей придется туго на новом месте. Но с характерным для всех новичков сомнением она посчитала, что легко справится с проблемой. Однако дни утекали, как песчинки в песочных часах, но ничего в ее жизни не менялось...

Тот памятный день начинался, как помнится, так же, как и другие. На улице моросил дождь, собирая тоненькие ручейки в большие лужи. Небо затянуло серой пеленой, так что с самого утра в помещении адвокатской конторы горел свет.

Настя, по своему обыкновению, сидела за столом с романом в руках. Она уже не штудировала специальную литературу, предпочитая всем кодексам на свете старенький томик из маминой коллекции детективов. Стоило ли напрягаться, если за почти три месяца, проведенных ею в этих стенах, она не участвовала ни в одном из мало-мальски серьезных дел.

– Дроздова, зайди-ка к шефу! – крикнул ей кто-то из коллег, и Настя, не без сожаления покинув насиженное место, поплелась в «чулан начальника». Добра от этого разговора ждать не приходилось.

– Присаживайся, – кивнул он на стул, по обыкновению заваленный всевозможным бумажным хламом.

Переместив папки и газеты на пол, Настя села. Неприятный разговор не заставил себя долго ждать.

– Что с тобой делать, Дроздова? – спросил ее начальник. – У тебя задолженность по платежам уже три месяца. По уставу нашей коллегии мы имеем право расстаться с тобой.

Несмотря на то что она давно была готова к подобному разговору, Настя почувствовала холодок в груди.

– Я прошу предоставить мне отсрочку, – произнесла она, глядя в глаза Рыкова. – Я постараюсь что-нибудь придумать.

– А что ты можешь придумать? – спросил он без тени сожаления. – Клиентов у тебя нет. Родственниками ты не богата.

Внутри у Насти что-то оборвалось, словно лопнула давно сдерживающая ее пружина. На глазах закипели слезы, и, повинувшись внезапному порыву, она начала что-то бессвязно бормотать, не то оправдывая себя, не то обвиняя кого-то.

– Я все верну. Вот увидите, я еще встану на ноги. – Ее слова были обращены к Рыкову, который подписывал на краешке какой-то бумаги свою резолюцию и не обращал на Настю никакого внимания. – Хотите, я отдам вам в залог свои серьги?

Настя вытащила из ушей колечки с крохотными бриллиантами. Это были украшения матери, взятые из заветной шкатулки. После смерти Веры ей досталась в наследство небольшая квартирka да кое-какие драгоценности.

– Вы не смотрите, что они с виду простенькие, – лепетала она. – Глядите, здесь есть даже настоящие бриллианты, пусть небольшие, но точно не фальшивые. Они мне достались от матери, а в те времена подделок еще не существовало.

– Подделки были во все времена, – оторвался от бумаг Рыков. – Серьги-то забери. Здесь тебе не ломбард и не Сбербанк. Даю тебе неделю для того, чтобы решить все свои финансовые дела. Ступай.

Настя понуро побрела к выходу.

– Помни. Только неделя, – напутствовал ее заведующий.

«Неделя. Только неделя, – заезженной пластинкой вертелись в мозгу слова Рыкова. – Где же взять деньги? А может, действительно заглянуть в ломбард?»

Она стояла возле окна в холле, рассеянно наблюдая за тем, как людской поток несется по улице. К мокрому асфальту прилипли первые желтые листья. Осень подкралась незаметно, расцветив город пестрыми зонтами и яркой окраской гладиолусов на рынках.

Ее размышления прервал громкий, безапелляционный голос Плюхина. Он имел отвратительную привычку появляться бесшумно.

– Что нос повесила, Дроздова?

Он наклонился к ней поближе, и она ощутила хорошо знакомый запах мятной жвачки.

– Мне известно, что у тебя большие проблемы.

– Неважно, – буркнула она.

– Да, а я слышал, что тебя исключают из коллегии. Ты не тушуйся, Дроздова. Я ведь могу тебе помочь.

– Помочь, как? – встрепелась Настя.

– Ну, по-разному. Могу одолжить тебе денег. Заметь, без всяких процентов. Могу подогнать клиента. Заработаешь – часть мне. Какой вариант тебе нравится?

– Конечно, второй.

– Заметано. Сейчас позвоню своему старому приятелю. У него, кажется, большие проблемы с законом. А мне с товарища деньги брать как-то непорядочно, так что я переадресую его тебе. Лады?

– Это будет здорово, – искренне обрадовалась Настя. Похоже, она была не права, испытывая к коллеге неприязнь. Он оказался таким, каким она впервые нарисовала его себе в воображении, – доброжелательным и готовым всегда прийти на помощь.

– Только платье надень посимпатичнее, – сказал он. – Скажу честно, я обожаю тонкие бретели и глубокое декольте.

– Что? – не поняла Настя.

– Сегодня вечером я поведу тебя в ресторан, а потом мы завалимся ко мне. Жена уехала в санаторий, поэтому нам никто не помешает. У тебя ведь третий размер груди?

Он прижал ее к стене в холле, так что она едва не задохнулась от запаха мятной свежести. Волосатая рука коснулась холмиков, обтянутых тонким свитером. В следующее мгновение Анастасия действовала рефлекторно. Правая нога ее согнулась в колене, ударив обидчика в пах. А руки, как стремительные пружины, оттолкнули обмякшее тело от себя. Раздался грохот. Артур свалился на пол, оглашая небольшое помещение стонами. Из комнаты напротив выскочили коллеги.

– Что тут происходит? – раздался рядом голос Рыкова.

– Да вот Артур Всеволодович поскользнулся на мокром полу, – объяснила Настя с самым невинным выражением лица. – Сколько раз уже говорили уборщице, чтобы вытирала насухо пол. А ей как с гуся вода. По-прежнему разводит сырость.

Рыков внимательно посмотрел на корчившегося Плюхина, потом на Анастасию. Похоже, у него возникли какие-то подозрения, но он решил оставить их при себе. Так, на всякий случай.

– Всем работать! – рявкнул он.

Адвокаты, переговариваясь, потянулись на свои рабочие места. В холле остались только участники инцидента.

– Артур Всеволодович, – с сочувственной улыбкой произнесла Настя, – надеюсь, вы не ушиблись?

Плюхин поднял на нее глаза. В них плескалась искренняя злоба.

– Ты ответишь мне, сука! Ты ответишь мне за все...

* * *

Она вошла в контору стремительно, неся за собой шлейф дорогих духов. Королевская посадка головы, хищный прищур глаз и яркие губы, немного диссонирующие с возрастом незнакомки. Ей явно было за шестьдесят, но от нее веяло такой уверенностью, такой силой, что окружающие почти осязаемо ощущали ее мощное энергетическое поле. Одевалась она эффектно и дорого, предпочитая одежду классического кроя, сшитую на заказ в одном из лучших европейских домов моды. Вот и сейчас на ней были длинный черный плащ, такого же цвета туфли и красный деловой костюм, который доминировал в ее наряде, притягивал взгляд, но и тревожил одновременно. Волосы цвета воронова крыла были искусно взбиты и уложены личным парикмахером.

«Да это же Дворецкая, собственной персоной!» – раздался чей-то громкий шепот. Адвокаты побросали свои дела и уставились на знаменитость, пытаясь угадать, что ее привело в их богадельню.

Дворецкая оглядела незнакомые лица, словно отыскивая добычу.

– Мне нужен адвокат, – наконец сказала она.

На минуту воцарилось молчание. Присутствующим было хорошо известно, что в распоряжении богатой дамы был целый штат первоклассных юристов. Должно было случиться нечто невероятное, чтобы эту известную представительницу элиты занесло к ним в коллегию в поисках растиражированного товара, которого и на ее собственных полках имелось предостаточно. Вопреки обыкновению, адвокаты не спешили предлагать свои услуги, словно дожидались какого-то подвоха.

– Может, вам лучше переговорить с заведующим? – раздался робкий совет. Женщина окинула сборище взглядом орлицы.

– Если бы мне был нужен ваш заведующий, я бы к нему и обратилась, – резко ответила Дворецкая. – Мне требуется молодой энергичный адвокат, обучаемый и без лишних претензий. Неужели у вас нет подходящей кандидатуры?

– Пожалуй, есть, – раздался голос Артура. Он поднялся с места, поправляя костюм и льстиво улыбаясь. На высоком лбу адвоката появились капельки пота, верный признак того, что Плюхин волновался. Его пальцы теребили лацкан пиджака.

Дворецкая насмешливо поджала губы.

– Я сказала, молодой!

Акцент на последнем слове был сделан преднамеренно и звучал как пощечина. Плюхин, смущенно крякнув, опустил на стул.

– Если вы не возражаете, я могла бы попробовать. – Воробей поднялась, демонстрируя предпринимательнице все свои стати. Девушка была вызывающе красива. Непонятно, что конкретно не понравилось Дворецкой, но она смерила Елену холодным взглядом и сказала, как отрезала:

– Я уже говорила, без претензий!

После этого замечания скудный поток желающих занять место юриста у известной миллионерши иссяк полностью. Адвокаты превратились в кучку боязливых кроликов, застывших перед могучим удавом. А женщина, довольная произведенным эффектом, продолжала гипнотизировать их долгим немигающим взглядом.

– Ну, так где же они, молодые и амбициозные? – насмешливо спросила она. – Вот вы, девушка, почему молчите?

Она смотрела в сторону Насти. Та даже обернулась, чтобы убедиться в том, что вопрос задан ей. Но позади нее была только стена.

– Да, да. Я обращаюсь к вам. Как ваше имя?

– Настя, – девушка запнулась. – Извините, Анастасия Дроздова.

– Ну, как, Анастасия, вы согласны работать на меня?

Вот так, коротко и без предисловий. Не *у меня*, а *на меня*.

– Боюсь, это невозможно, – покраснела Дроздова.

– Почему? – Дворецкая была искренне удивлена. Должно быть, не так часто в жизни ей приходилось слушать отказы.

– У нее совсем нет опыта, – заявил с места Плюхин. Он уже оправился после ошутимого щелчка миллионерши и боялся упустить возможность насолить кому-нибудь из своих коллег. Анастасия, с этой точки зрения, была самой подходящей мишенью.

– Меня не интересует ваше мнение, – ледяным тоном заявила предпринимательница. – Так что извольте помолчать.

– Но он прав, – понуро сообщила Настя. – Мой стаж адвоката всего лишь три месяца. Вам же требуется опытный юрист.

– Мне лучше знать, кто подходит на эту работу. Вы мне нравитесь, и этого уже достаточно. – Дворецкая не потрудилась улыбнуться, и похвала из ее уст звучала так же хлестко, как и порицание. – Вы приняты на службу в холдинг «Жемчужина». Ваше месячное вознаграждение в период испытательного срока составит две тысячи долларов. Жду вас завтра ровно в девять по этому адресу. – Она бросила на стол белую визитку.

Анастасия хотела что-то сказать, но женщина уже спешила прочь. Исчезла она так же внезапно, как и появилась. Адвокаты, испуганные неожиданным вторжением известной особы, сидели тихо, переглядываясь между собой. Казалось, они пытались отгадать, не стали ли они жертвами массового гипноза. Визит миллионерши казался сном наяву. Лишь аромат дорогих духов да белая картонная карточка на столе Анастасии свидетельствовали о реальности происходящего...

На следующий день, ровно в восемь тридцать, Настя заняла наблюдательную позицию за воротами особняка Дворецкой. Она не решилась нарушить покой известной дамы до назначенного времени. Просто стояла и смотрела сквозь чугунную ограду на то, как дворник сметает первую листву с мощеных дорожек. Такую красоту Анастасия раньше видела лишь на экранах кино да в глянцевых журналах. Там мир роскоши представлял собой достойную декорацию для жизни известных актеров, политиков и казался таким же далеким и недоступным, как марсианские впадины. Но здесь достаточно было преодолеть чугунную преграду, чтобы дотронуться до бархатистой поверхности изумрудных лужаек; пройти по аллеям парка; бросить камешек в искусственный пруд, посередине которого застыли мраморные лебеди.

Но главной достопримечательностью, конечно же, был дом. Белый, с совершенными пропорциями, с широкими каменными ступенями, ведущими на террасу, он казался незыблемым и надежным. Высокие трехстворчатые окна отражали зеленую траву и длинную подъездную аллею, растянувшуюся змеей между воротами и крыльцом.

Должно быть, хозяйка особняка не привыкла экономить на обслуживающем персонале, поскольку Настя заметила, помимо дворника, еще несколько человек, заботящихся о безупречном быте предпринимательницы. На площадке перед домом стоял роскошный автомобиль, и молодой человек в синей спортивной куртке натирал и без того сверкающие окна «Мерседеса». По дорожке, ведущей от оранжереи к дому, спешила немолодая женщина в голубой форменной одежде. Она несла корзину со свежесрезанными цветами. Садовник подрезал ветки кустарника. Его помощник, с садовой тачкой, вид имел задумчивый и отрешенный. Он в прямом смысле считал ворон, важно шагающих по шелковистой траве и оглашающих окрестности громким, пронзительным карканьем.

Было без пяти минут девять, когда Настя позвонила в ворота. Ей тотчас же открыли, словно только и дожидались ее появления. Анастасия даже не успела открыть рот, чтобы объяснить причину визита, как женский голос заговорил первым:

– Доброе утро, Вероника Анатольевна ждет вас в своем кабинете.

Настя пошла к дому. Миновав лужайки и террасу, она вошла наконец в прихожую. Протянув посетительнице войлочные тапочки, девушка в белом переднике бесцветно пояснила:

– Наденьте это. Хозяйка очень не любит вмятины на паркете.

Насте пришлось повиноваться, хотя она чувствовала себя так, будто попала в музей, где всех посетителей обязывают надевать на ноги бахилы. Помимо всех прочих неудобств, тапки соскальзывали при ходьбе. Поэтому, чтобы не остаться босиком, приходилось шаркать ногами. Но Настя, впрочем, скоро забыла о своей примитивной обуви. Она зашла в гостиную и остановилась под впечатлением внутреннего великолепия особняка.

С высокого потолка свисала массивная хрустальная люстра. Вверх, к потолку, устремлялись узкие стрельчатые окна с витражными вставками. Солнечный свет, проходя сквозь цветные стекла, создавал удивительный узор на стенах и зеркально полированном полу. Здесь присутствовал такой архитектурный прием, который в специальной литературе именovali не иначе, как «эффект двойного света» или «двусветная гостиная». Ничего сложного, просто потолок находился на высоте третьего этажа. Это создавало впечатление потрясающего объема помещения, что даже несколько подавляло посетителей.

Они поднялись по широкой дубовой лестнице на второй этаж, прошли мимо галереи с полотнами современных художников. Настя получила возможность еще раз взглянуть на гостиную, только уже с высоты второго этажа. Теперь уже хрустальная люстра была на уровне ее глаз, а узор на иранских коврах стал вырисовываться четче. Она заметила, что горничная, проходя по первому этажу, старательно обошла шелковистое покрытие. Должно быть, хозяйка строго-настрого запретила прислуге топтать чудесные произведения иранских мастеров. «Тут у них порядки, как в режимном учреждении», – подумала про себя девушка и тут же испытала что-то очень похожее на страх. Удастся ли ей стать частью этого мира или же своенравная предпринимательница выставит ее вон в первый же день? Конечно, Настя не привыкла, чтобы ею помыкали. Да и ходить по струнке она не умела. Но, вспомнив свою заштатную юридическую контору, недоброжелательность коллег и жирные прочерки напротив ее фамилии в ведомости на зарплату, девушка сжала кулаки. Нет! Она сделает все от нее зависящее, чтобы госпожа Дворецкая не разочаровалась в ней. Первый раунд она выиграла без труда. Известная женщина выделила ее среди безликой адвокатской массы, предложив место юриста в престижной компании. Теперь же все будет зависеть только от самой Анастасии...

– Это кабинет хозяйки, – сообщила девушка и постучалась в массивную дубовую дверь.

– Войдите! – следовал ответ, и горничная, бесшумно открыв дверь, подтолкнула оробевшую гостью вперед.

Это была просторная комната, декорированная в английском стиле. Вишневого цвета обои на стенах, тяжелые бархатные портьеры с золотыми кистями, мебель из темного дерева создавали впечатление роскоши и монументальности, хотя и подавляли своими мрачными тонами. На неискушенный взгляд Анастасии, такой кабинет больше бы подошел мужчине. Женские же комнаты бывают, как правило, изящными, где каждый предмет обстановки, будь то кресло, ваза или шкаф, гармонируют между собой и создают тот уютный микроклимат, в котором хозяйка чувствует себя превосходно.

Но это помещение как нельзя лучше соответствовало своему деловому предназначению. Здесь не было ничего такого, что могло оторвать предпринимательницу от ее дел, никаких телевизоров и музыкальных центров, хрупких безделушек на полках и зеркал. В середине комнаты расположился большой стол, того же темного дерева, как и вся мебель в кабинете, но с кожаными вставками. Массивный письменный набор, включающий старомодную чернильницу, подставку под перьевые ручки и карандаши, перекидной календарь хозяйка поместила в центре стола. Рядом с настольной лампой отсвечивал экраном роскошный портативный компьютер. В остальном поверхность стола была пуста, никаких разбросанных папок и бумаг, никаких кружек с недопитым чаем. Даже рамок с фотографиями любимых родственников и собак, неменных атрибутов женских рабочих мест, здесь также не было. Зато в нише задней стены, во всю высоту, от пола до потолка, поместился портрет самой хозяйки в полный рост. Художник, должно быть, рассчитывал на определенный эффект, специально подбирая ракурс, немного снизу вверх. Своей цели он добился, поскольку Вероника Анатольевна в вишневом платье до пят выглядела на портрете величественно, как императрица.

– Вы явились сегодня в восемь тридцать утра, – вместо приветствия заявила госпожа Дворецкая Насте. – Я же вас просила подойти к девяти.

Анастасия вздрогнула. Признаться, она не сразу заметила хозяйку, которая сидела в кресле чуть в стороне от двери. Зная Веронику, можно было сказать определенно, что такое место она выбрала не случайно. Ей хотелось увидеть гостью прежде, чем та заметит ее. Дворецкая большое значение придавала собственным наблюдениям: как человек ведет себя, когда уверен, что за ним никто не наблюдает; какое впечатление на него производит бьющая в глаза роскошь. Ее интересовали самые незначительные нюансы поведения. На основе такого исследования она делала выводы и выстраивала модель отношений. У нее была звериная интуиция, одна из самых главных составляющих ее успеха...

– Я вас не виню, – снисходительно улыбнулась она, заметив, что гостья замерла у порога в нерешительности. – Понимаю ваше желание осмотреться на новом месте. Это так естественно, в конце концов. Я постараюсь удовлетворить ваше любопытство и попрошу организовать экскурсию по своим владениям.

– Я вовсе не любопытна, – возразила Настя, но женщина остановила ее движением руки.

– Не спорьте, я предпочитаю сама давать подобные разрешения. Это лучше, чем наблюдать, как люди самостоятельно ведут разведку моей личной территории. Кстати, периметр поместья, точно так же, как и дом, снабжен системой видеонаблюдения, за пультом которой круглосуточно сидит охранник. Именно он мне и сообщил время вашего появления у ворот.

Настя подавленно молчала, понимая, что с этого момента она находится под колпаком железной женщины. Хотя, надо было отдать должное Веронике, она предпочла честно пре-

дупредить о тотальной слежке, вместо того чтобы собирать компрометирующий материал тайне от Анастасии.

– Как я поняла, с вчерашними сомнениями покончено? Или вас здесь не было бы, верно? – спросила Дворецкая, пристально вглядываясь в лицо девушки.

– Да, я все для себя решила.

– Ну и отлично. Не люблю сомневающихся и неуверенных. – Вероника расслабилась. – Итак, мне нужен юрист.

– Простите, но я так поняла, что у вас есть юристы, причем весьма опытные, – осмелилась заметить Настя.

– Да, это верно. Один из них Корицкий. Слышали такую фамилию?

– Еще бы! Я была на лекциях Бориса Рудольфовича, которые он читал для молодых адвокатов. Простите мою смелость, но мне он показался великолепным специалистом. Говорят, он выигрывал даже самые безнадежные дела.

– Да, этого у Бори не отнять. Светлая голова!

– Но как же... Как же тогда я?

– Вы хотите сказать, зачем вы мне понадобились?

– Ну, вообще да.

– Вы займете место Корицкого.

– Что?

Настя решила, что она оглохла на оба уха. А может, у нее начались слуховые галлюцинации? Говорят, что подобная напасть иногда случается даже с молодыми людьми.

– Вы возьмете на себя руководство юридической службой центрального офиса. У вас в подчинении будет двадцать человек, – продолжала, как ни в чем не бывало, Дворецкая. – К вам на стол будет стекаться информация со всех подразделений нашей компании. Вы будете в курсе всех судебных тяжб, которые ведет «Жемчужина». Конечно, вам придется координировать работу всех юристов, а некоторые дела проводить в суде самостоятельно. Ну как, справитесь?

«Да вы сошли с ума, что ли? – хотелось крикнуть Насте. – Или, может, с моей головой что-то случилось? Я буду управлять юридической службой! Да любой, кто услышит эту нелепицу, надорвет живот от смеха».

Но вслух произнести это она, конечно, не решилась. Предпочтительнее был иной вариант:

– Вероника Анатольевна, а может, мне лучше стать рядовым сотрудником? Осмотреться, что здесь и как. А там время покажет...

В голосе Дроздовой слышались просительные интонации. Но, судя по всему, здравый смысл покинул миллионершу навсегда.

– В рядовых сотрудниках я не нуждаюсь, – вспыхнула она. – Мне нужен руководитель, а кроме того, человек, которому я смогу доверять. Вы не в курсе всех наших дел, и мне так показалось, что посторонний юрист принесет гораздо больше пользы для компании, чем тот, который уже покрывался мхом. Вы станете струей свежего воздуха в коллективе, где всем правят сплетни и зависть.

– Но почему вы решили, что я с этим справлюсь? – изумилась Настя.

– Можете считать, интуиция подсказала.

Такой ответ Дроздову не устраивал. Хотя ее собственная интуиция в этот момент тоже не дремала, а подавала своей хозяйке весьма ощутимые импульсы: здесь что-то не так!

– А вдруг мои подчиненные не примут меня? – продолжала сопротивляться Настя.

– Вы им понравитесь, – убежденно проговорила Вероника. – В противном случае они лишатся работы.

«Боже мой! – паниковала Дроздова. – Да у нее хватка бульдога!»

– Ну, вот мы и поладили, – улыбнулась женщина. – А теперь я вас кое с кем познакомлю...

Иван Васильевич Пирогов имел при «дворе Вероники» статус главного лекаря. Он понравился Насе сразу же, этакий Дед Мороз с белоснежной бородкой и ласковым взглядом. Он оглядел Дроздову с ног до головы внимательно, будто собирался ставить ей диагноз.

– Иван Васильевич, – представила его Дворецкая, – наш кудесник. По медицинской части ему нет равных. Так что, если у вас что-то прихватит, обращайтесь к нему.

– Вероника Анатольевна мне льстит, – улыбнулся он. – Я всего лишь обыкновенный врач.

– Ну, не будьте скромницей, – погрозила ему пальцем Дворецкая. – Не хотите же вы сказать, что я тридцать лет своей жизни пользовалась услугами заурядного медика?

– Нет, конечно. Рядом с вами – места только для профессионалов, голубушка!

– То-то же! – расслабилась Вероника и, указав рукой на Анастасию, продолжила: – Иван Васильевич, эта молодая особа возглавит юридическую службу компании. Так что отныне она – член нашего клуба. Прошу любить и жаловать!

Пирогов недоуменно уставился на свою хозяйку.

– Вы хотите сказать, что что-то произошло с Корицким? Господи, он хотя бы жив?

– А что с ним случится? – поджала губы Вероника. – Борис жив и здоров и, по своей старой привычке, без устали выигрывает дела.

– Тогда, боюсь, я вас не понимаю.

– Что тут понимать? Кажется, это я возглавляю холдинг «Жемчужина» и вправе менять кадры так, как мне будет угодно. – В голосе Дворецкой слышалось явное недовольство.

– Да, но должна же быть какая-то причина, здравый смысл, наконец, – допытывался врач.

– Это вы лишились здравого смысла, мой друг! Занимайтесь своими клизмами и не вмешивайтесь в решение деловых вопросов.

– Но, Вероника, голубушка! – взмолился врач.

– Не заставляйте меня быть грубой, я этого не люблю, – пресекла разговор Дворецкая.

– Хорошо. Я сдаюсь. – Доктор поднял вверх руки.

Но воинственно поднятые плечи говорили красноречивее его слов. Он остался при собственном мнении.

– Вот и хорошо! А теперь я приглашаю вас на поздний завтрак. Должна же я познакомиться Анастасию Евгеньевну с членами моей семьи...

Завтрак был сервирован на террасе среди пышной зелени сада. На белоснежной скатерти ярким пятном выделялась ваза с алыми розами, должно быть, только что срезанными в собственной оранжерее. Высокие бокалы, начищенное серебро, хрустящие от крахмала салфетки – все это создавало впечатление праздничного застолья. Тем не менее лица домочадцев Дворецкой были такими, словно они собрались почтить память близкого родственника.

– Это Элеонора! Это Антонина. Влад, – представляла детей Дворецкая. И Настя начала в свой адрес высокомерный взгляд старшей дочери, безразличный кивок – средней и открытую ухмылку сына.

В отличие от доктора, дети стоически приняли известие о переменах в кадровой политике своей маменьки. Хотя, скорее всего, они просто были лишены права голоса. Правда, Влад издал-таки жирный смешок:

– Вау, мам! Ты, как всегда, непредсказуема.

Дворецкая пропустила это замечание мимо ушей. Да и кто бы на ее месте придал значение возгласу великовозрастного балбеса, одетого в стиле прыщавого тинейджера? Судя

по всему, мысли в голове Дворецкого-младшего двигались так же хаотично, как собачки на его не в меру веселом джемпере. Во всяком случае, Вероника, окинув сына внимательным взглядом, поморщилась:

– Не говори с набитым ртом, Влад. И вообще пользуйся салфеткой.

Владик, которому на горизонте уже маячил тридцатник, послушно взял салфетку и убрал крошки со рта. Настя почувствовала тошноту.

– А как отнесся Борис Рудольфович к своей отставке? – поинтересовалась Элеонора будничным тоном.

– Боюсь, что пока никак. Он просто об этом еще не знает, – улыбнулась Вероника. – Хочу преподнести ему маленький сюрприз!

– Ничего себе маленький! – воскликнул Влад, в очередной раз забывая о наставлениях матери. – Держу пари, ты перешибла ему хребет. Хотя мне никогда не нравился этот самодовольный ублюдок!

– Владислав, где твои манеры?! – сделала замечание Дворецкая, но больше для приличия. По всей видимости, она в чем-то разделяла мнение сына.

Дочери промолчали. Но по красным пятнам на лице Антонины и по тому чрезмерному усердию, с которым Элеонора терзала бедный омет, было видно, что новость все-таки пришла им не по вкусу.

– Вы займете комнату в западном крыле, – продолжила Вероника, обращаясь к Дроздовой. – Там тихо, и вам никто не будет мешать. Из окон открывается чудесный вид на розарий. Я не сомневаюсь, вам это понравится. По утрам там так чудесно поют птицы!

Анастасия отложила в сторону вилку.

– Извините, Вероника Анатольевна, о какой комнате идет речь?

– О ваших новых апартаментах, разумеется! Новая работа потребует от вас максимальных затрат времени. Не могу же я позволить вам тратить драгоценные часы на такие мелочи, как дорога (у вас даже машины нет!), беготня по магазинам и приготовление пищи. В нашем доме вы найдете все, что вам потребуется. К вашим услугам полный пансион – чудесная комната, полноценное питание, личный водитель.

У Анастасии возникло странное ощущение, что она смотрит сон наяву. За одним столом с миллионершей сидела не она, Настя, а просто очень похожая на нее девушка.

– Я все продумала до мелочей, – продолжала Вероника. – Для начала мы обновим ваш гардероб. Извините, милая, но в этой одежде вы напоминаете мне служащую жилконторы, а не главного юридического консультанта Дворецкой.

Настя покраснела. Это немного вернуло ей ощущение реальности происходящего. Щеки начали пылать, словно ей вlepили парочку пощечин. Она украдкой взглянула на свой костюм. Конечно, Дворецкая не догадывалась о том, что все раннее утро ее «главный консультант» отпаривала и утюжила свой единственный приличный костюм. Ей пришлось даже зашить дырочку на подкладке, хотя она была уверена, что ей не придется снимать пиджак. Благо на улице было прохладно.

– Итак, стилист, парикмахер, несколько уроков этикета... – долетел до нее голос Дворецкой. – Но это все мелочи.

– Конечно, – отозвался врач. – А вы не подумали о том, как ваша новая сотрудница будет проводить досуг?

– О чем вы говорите, голубчик! Сказать, что в моем доме нельзя интересно провести время, – это все равно, что оскорбить меня. К ее услугам огромная библиотека, Интернет, коллекция музыкальных записей и фильмов. Это для души. Ну а для тела тоже есть все необходимое: бассейн и джакузи, финская сауна и русская баня, тренажерный зал, теннисный корт, что там еще? Стрелковый стенд и бильярд. Этого, по-вашему, мало?

– Для молодой девушки нужны развлечения другого рода, – наставительным тоном произнес Пирогов. – Кафе и танцульки, кавалеры. Захочется ли ей жить в тюрьме, даже такой роскошной, как эта?

– Дорогой друг! – еле сдерживая негодование, произнесла Дворецкая. – Сегодня определенно не ваш день. Что ни скажете, все не в тему. Кто сказал, что я собираюсь держать ее взаперти? Она, конечно, свободна. Если ей вздумается, может посидеть в кафе с подружкой или прогуляться с кавалером. Только чтобы ровно в одиннадцать была дома! Терпеть не могу ночных звонков и поздних возвращений.

Во взгляде Ивана Васильевича, обращенном к Насте, читалась едва прикрытая ирония. Он, должно быть, ожидал от нее выражения протеста, благодарного отказа, да мало ли чего еще! Но девушка молча поела клубнику, словно основной ее задачей на сегодняшнее утро было набить до отказа желудок.

– Ну, вот вроде бы мы все и решили, – резюмировала Дворецкая. – Конечно, может быть, остались какие-то мелочи, так мы их утрясем позже. Кстати, дорогая, совсем забыла вас спросить, а что вы думаете насчет всей этой идеи? Вы согласны на переезд?

Вопрос прозвучал так запоздало и показался таким нелепым, что доктор едва не поперхнулся кофе. Он выразительно хмыкнул, чем в очередной раз навлек на себя недовольство Дворецкой. Та пронзила его обжигающим взглядом, но разбор полетов решила провести позднее. Ее внимание было приковано к Насте.

– Я согласна, – пролепетала та. Поток информации сбил ее с толку, а напористость новой хозяйки превратила в тряпичную куклу, мягкую и безвольную.

«А что я теряю? – неслись в голове сумасшедшие мысли. – Жалкую комнату в пятиэтажке, где меня никто не ждет? Давку на автобусной остановке? Сосиску на завтрак и макароны на ужин? Да пропади они пропадом! В конце концов, я же не продаю себя в рабство. Я всегда могу отказаться».

Но что-то подсказывало ей, что обратного пути не будет...

– Если желаете, вы можете сейчас заехать домой, забрать необходимые вещи. Хотя я вам предоставлю все, что нужно: от зубной щетки и тапочек до собственного компьютера, – сказала Дворецкая Насте после того, как завтрак подошел к концу. – Вас будет сопровождать личный водитель Стас. Через два часа я жду вас в кабинете.

Она развернулась и пошла прочь, прямая и величественная, как королева. Настя, словно зачарованная, смотрела ей вслед, удивляясь тому, как умеет держать себя эта удивительная женщина.

Вдруг чья-то рука требовательно сжала ее плечо. Она обернулась и увидела доктора.

– Пойдемте, я покажу вам, как выйти из дома. Ваш личный шофер, должно быть, уже подъехал, – предложил он с вежливой улыбкой.

– Благодарю вас, я знаю, где выход, – ответила Настя.

– Нет, все-таки позвольте мне вас проводить. Вдруг вы заблудитесь. Дом-то большой!

– Спасибо за помощь. Но я не так бестолкова, как вам показалось. Выход прямо за вами.

Настю начала раздражать подобная забота.

– Идите же за мной, черт вас подери, – прошипел доктор, выразительно поднимая брови и глазами указывая куда-то в сторону двери.

Настя была оскорблена и заинтригована одновременно. Она двинулась вслед за доктором, не понимая, почему она, собственно говоря, слушается его указаний. Дроздова вышла в прихожую, собираясь заявить, что она пока еще свободная женщина, которая вправе рассчитывать на уважительное отношение. Но не успела она сказать и двух слов, как добрый Дед Мороз превратился вдруг в оборотня с мелко трясущейся седой бородой.

– Здесь нет камер, – проговорил он, преграждая ей дорогу. – Мы можем говорить без свидетелей, только недолго. Прихожая все равно что проходной двор. Не хватало, чтобы нас застукали здесь вдвоем и донесли Веронике. Запомните: все слуги тут натасканы, как верные псы. Обо всем, что происходит в доме и его окрестностях, хозяйка узнает от своих осведомителей.

Настя дернула плечом. Нет, доктор определенно позволял себе слишком много. Вот и сейчас он наваливался на нее своим совсем не старческим телом. Она чувствовала его дыхание на своем лице.

– Меня не особенно пугают здешние порядки, – с нарочитой храбростью произнесла она. – Я ничего не собираюсь делать за спиной Дворецкой. Но ваши домогательства я сохраню в секрете, если вы, в свою очередь, оставите меня в покое. Скажу откровенно: вас в качестве кавалера (так, что ли, вы говорили?) я не рассматриваю.

Доктор отшатнулся.

– Вы думаете, что я вас домогаюсь? – произнес он с удивлением.

– Да. А как еще я должна понимать ваши слова и поступки?

Иван Васильевич глотнул воздух так шумно, что Настя испугалась, не случился ли у старичка удар. Говорят, любовь в таком возрасте может быть опасна.

Но Пирогов мало походил на жертву страсти. Он тряхнул ее за плечи так сильно, что голова девушки, как у китайского болванчика, мотнулась из стороны в сторону.

– Слушайте, не будьте идиоткой, – заговорил он. – Вы меня интересуете столько же, сколько и прошлогодний снег. Я бы непременно развил эту тему, но у нас не так много времени. Послушайте старого мудрого старика: берите ноги в руки и убирайтесь из этого дома, словно вас здесь и не было. Поверьте, это вам только на пользу.

– С чего это вы взяли? – с вызовом ответила Анастасия. – Может, вы мне объясните, почему я должна отказываться от такого выгодного предложения?

– Этого я сказать не могу, но поверьте мне на слово, это в ваших интересах, – жарко зашептал врач.

– Ну, поскольку объяснений я не получила, будем считать, что этого разговора не было, – отстранила его Дроздова. – Может, вы просто ревнуете Веронику?

– Боже мой, к вам, что ли? – в сердцах воскликнул Пирогов.

– А почему бы и нет? Дворецкая приблизила меня к себе, а вам это не по вкусу. Тяжела судьба фаворита, не так ли?

– Девчонка! И вы смеете говорить это мне? Видит бог, я хотел вас предупредить. Но если вам так не терпится создать себе грандиозные проблемы – воля ваша. И запомните, Вероника не из тех, кто любит благотворительность. Она ничего не делает просто так!

– Очень признательна за предупреждение, – проговорила Настя. – Но, по-моему, в вас говорит элементарная зависть.

– Прощайте. Похоже, мои слова улетели в пустоту.

– Не прощайтесь! Я здесь появлюсь через два часа и не минутой позже, – заявила Анастасия, покидая прихожую.

Конечно, в ней шевельнулось что-то вроде сожаления, ведь доктор ей поначалу так понравился. Похоже, она вела себя немного вызывающе, да и на насильника он не похож. Но Дроздова была полна решимости устранить все преграды на пути к заманчивой цели. Она станет главным юридическим консультантом самой Дворецкой! Стоит ли обращать внимание на некоторые досадные помехи. Отныне зависть и ревность станут ее постоянными спутниками...

Как только Анастасия села в машину, водитель передал ей белый конверт.

– Что это? – удивилась она.

– Вероника Анатольевна передала вам аванс, – сообщил Стас, ведя автомобиль по широкой подъездной дороге.

Настя заглянула внутрь и даже пересчитала купюры. Ровно две тысячи долларов. Но такая сумма ей была обещана за первый месяц работы. Может, миллионерша тестирует ее на честность?

Девушка твердо решила заявить хозяйке о чьей-то финансовой безалаберности. Ей не нужны были лишние неприятности...

В своей квартире она пробыла совсем недолго. Поиски заняли полчаса времени и целую жизнь воспоминаний. Настя поймала себя на странной мысли, что уходит отсюда не на день и не на месяц, а может, навсегда. Почему-то ей стало грустно. Словно рвалась невидимая ниточка, соединявшая ее с родным домом, с мамой.

Настя уложила в сумку фотографию в кожаной рамке и застыла в нерешительности. Что же ей еще взять с собой? Она пересмотрела содержимое платяного шкафа, но все вещи показались ей поношенными и неинтересными. Она, правда, взяла джинсы и пижаму, уложила несколько комплектов белья. Бросила сюда же старого плюшевого мишку с капроновым бантом на шее. Это была частичка давно ушедшего детства, память о тех далеких днях, когда мама, укладывая ее спать, обязательно давала ей в руки мягкую игрушку. Медведь был старый, со свалявшейся коричневой шерсткой, но она любила его до сих пор. От него пахло чем-то родным, не то детским мылом, не то кашей, которую он некогда получал из рук своей маленькой хозяйки. А может, это был запах уюта и спокойствия, навсегда оставшийся там, в теплом и далеком детстве...

В адвокатской конторе «Правозащита» царила обычная суета, но даже самые занятые коллеги оторвались от своих дел, когда на пороге появилась Анастасия.

– Я пришла отдать долг, – кивнула она Рыкову и передала ему в руки нужную сумму.

В принципе больше никаких дел у нее в конторе не было. Можно было возвращаться назад, в особняк Дворецкой, но адвокаты окружили ее плотным кольцом. Каждому хотелось узнать, как прошел ее визит в дом миллионерши.

– Я принята на работу главным юридическим консультантом, – не без удовольствия сказала она. Конечно, ей хотелось бы добавить в рассказ немного красочных деталей относительно привилегий, дарованных с широкого барского плеча своей благотельницей, но она постеснялась. На сегодня и одной сенсационной новости было достаточно.

Коллеги отнеслись к ее небывалому карьерному взлету так, как она и ожидала. На их лицах отразилось сомнение, затем смешанное с возмущением удивление, и, наконец, все перекрыла зависть.

Но постепенно они стали приходить в себя. Со всех сторон посыпались комментарии. Менялась только форма высказывания, суть же оставалась неизменной.

– Надо отдать вам должное. В тихом омуте черти водятся. Как же вам удалось?

Или:

– Что же, вы, верно, знаете, чего хотите. В конце концов, это произошло так быстро. За какой-то один день. Не зря вас считали темной лошадкой. В вашем случае это, безусловно, так.

Эти слова звучали эхом собственных мыслей Дроздовой. Но ей сейчас хотелось слышать совсем иное. Она надеялась, что хоть кто-нибудь из ее «добрых» коллег искренне порадует за нее, пожелает ей удачи. Но неожиданное решение известной предпринимательницы по непонятной причине не только поразило адвокатское сообщество, оно еще и оскорбило всех. Словно Дворецкая, сама того не желая, плюнула им в душу, заставила усомниться в шкале их ценностей.

– У тебя нет опыта. Ты незнакома со спецификой ее бизнеса, – горячился Плюхин. – Тебе с трудом удавалось формулировать мысли во время приема граждан. Как ты будешь разговаривать с ее компаньонами? Откровенно говоря, я даже не представляю, как ты с этим справишься.

– У дамочки непростой характер, – продолжала Воробей. – Это бросается в глаза. Тебе придется приспособливаться к нему. До сих пор ты вела жизнь без хлопот и забот, в окружении доброжелательных коллег. Ты же не скажешь, что тебе все эти три месяца жилось невыносимо? Стоило ли что-то менять? Я бы на твоём месте никогда на это не согласилась.

Бойкой на язык Елене, видимо, отшибло память, раз события вчерашнего дня показались ей недостойными упоминания. Она постаралась забыть резкую отповедь миллионерши и сейчас делала вид, что «ей не больно-то и хотелось».

Все уговаривали Настю, даже сочувствовали ей. Но это было показное сочувствие. Они снисходительно улыбались, стараясь ничем не выдать своего истинного отношения к событию, которое всколыхнуло их тесный адвокатский мирок.

Подведение итогов стихийного собрания было по праву предоставлено начальнику. Рыков долго наблюдал за Дроздовой, но наконец решился высказать собственное мнение:

– Вы, конечно, понимаете, почему она вас выбрала, не так ли? Уж не тешите ли вы себя мыслью, что ей удалось разглядеть в вас необработанный бриллиант? Здесь все просто, доверьтесь моему опыту. Дамочка просто свихнулась. Вам ведь известно, сколько ей лет? А здоровая психика в ее возрасте – большая редкость...

«Ничего не вижу, ничего не слышу и знать ничего не хочу!» – скороговоркой проговаривала Анастасия магическое заклинание, которое уже не раз выручало ее в жизни. Желчность и зависть коллег уходили в прошлое, а впереди, в тумане, маячили приятные перспективы ее счастливого будущего.

Она прибыла к особняку Дворецкой ровно за пять минут до назначенного времени, мысленно похвалив себя за пунктуальность. Ворота автоматически распахнулись в стороны, и машина, тихо шурша шинами, покатила к центральному входу.

Настя несколько секунд задержалась взглядом на фасаде величественного строения и снова поразились тому, какие необыкновенные причуды подбрасывает иногда жизнь. Еще утром, она, словно скромная прохожая из бедного квартала, подглядывала за оградой роскошного замка, а ближе к вечеру уже ступила на его крыльцо, как желанная гостья.

Девушка взяла в прихожей войлочные тапки и сама, без сопровождения, двинулась к кабинету Вероники...

– Эта сумма причитается тебе как аванс, – развеяла ее сомнения хозяйка после того, как Настя начала разговор о деньгах. – Уж не думаешь ли ты, что мой личный консультант будет получать копейки?

– Но вчера, при моих коллегах, вы сказали, что...

– Неважно, что я сказала. Важно, что твой заработок будет в несколько раз выше. Приятный сюрприз, не так ли?

Анастасия, конечно, согласилась.

– А теперь иди, познакомься со своим новым домом, – сказала Вероника. – Твои вещи уже в комнате. Мари проводит тебя.

Старшая горничная, с именем на французский манер, возникла в дверях, словно уже дожидалась распоряжений хозяйки. Мари, потупив очи долу, засеменила маленькими шажками по длинному коридору. Настя двинулась за ней, шаркая ногами, чтобы не потерять по дороге злосчастные войлочные тапки. Она старалась не вертеть головой, чтобы прислуга не сочла ее дурно воспитанной, но в то же время была предельно внимательна и запоминала все, мимо чего они проходили.

Горничная миновала лестничный пролет и галерею и вошла в еще один коридор, который, наверное, и был тем самым западным крылом. Они дошли почти до конца, и Анастасия увидела, что дверь ее комнаты располагается рядом с высоким витражным окном.

Мари отворила дверь и церемонно пропустила гостью вперед. Девушка зашла внутрь и огляделась. Вне всяких сомнений, это была самая красивая комната, которую Настя видела в своей жизни! А балкон, заставленный цветами; а собственная гардеробная и ванная! Здесь было все, что могло понадобиться молодой гостье: туалетный столик с многочисленными ящичками и полочками, куда можно было поместить милые женские мелочи; его солидный собрат – письменный стол с компьютером и необходимыми принадлежностями; удобная кровать с дюжиной больших и малых подушечек. Комната была выдержана в белых, сливочных и золотистых тонах и казалась необыкновенно светлой и жизнерадостной, наполненной воздухом и ароматом роз. Их белые головки на длинных стеблях горделиво поднимались из прозрачных ваз на туалетном столике и прикроватной тумбе. На упругих лепестках еще дрожали капли росы. Должно быть, цветы поставили сюда недавно, прямо перед приходом Анастасии.

Дворецкая не лукавила, она и в правду продумала все до мелочей. Гостья нашла здесь книги и музыкальные записи, которые пришлись ей по душе. В ванной на полочках ее дожидался целый арсенал необходимых косметических средств. Здесь же уютно разместились атласные комнатные туфли, банный халат и ночная сорочка абрикосового цвета. Удивительно, но вещи пришлись Насте впору, словно хозяйка заранее знала размеры своей новой помощницы. Девушка посчитала это еще одним необычным совпадением, поскольку знакомство с Дворецкой произошло всего лишь сутки назад.

– Здесь есть все, что вам необходимо? – спросила Мари, и девушка вздрогнула, внезапно вспомнив, что она тут находится не одна.

– Да, конечно, – ответила она.

– Может, будут какие-то распоряжения?

Какие распоряжения? Лучшего и желать было нельзя.

– Я оставила ваши вещи здесь у кровати. Если вам будет угодно, я разберу их и разложу по местам, – меланхолично сообщила прислуга.

Тут только Дроздова заметила, что ее старая спортивная сумка стоит на коврике перед кроватью. Она казалась такой убогой в мире роскоши и порядка, что Настя испытала что-то очень похожее на стыд. Представив, как руки горничной станут касаться ее поношенных вещей и что в этот момент будет думать Мари, девушка содрогнулась.

– Нет-нет, я все уберу сама.

– Как вам будет угодно, – произнесла горничная заученную фразу и удалилась, оставив гостью одну.

Настя испытала грандиозное облегчение. Ей даже захотелось взвизгнуть и с размаху кинуться на кровать. Распахнув руки в стороны, как птица, она закружилась на месте, словно старалась захватить в себя все окружающее ее великолепие. С ума сойти! Отныне это все принадлежит ей! Она может валяться на этом золотом покрывале, принимать ванну с душистой пеной и, свесившись через перила балкона, любоваться кустами роз внизу. Она будет душиться дорогими духами, надевать перед сном пеньюар и атласные туфли и слушать классическую музыку.

Но чудесное мгновение миновало, и девушка кинулась к двери. Не хватало только, чтобы ее застали здесь веселящуюся, как щенок на лужайке. Следовало соблюдать умеренность и осторожность.

Обследовав дверь с двух сторон, Настя убедилась, что никакого замка или задвижки тут не было и в помине. Конечно, можно было бы попросить об этом хозяйку, ведь жить с распахнутой дверью неуютно и некомфортно. Но девушка не была уверена, насколько уместна

ее просьба. Загружать Веронику в первый же день пребывания своими требованиями и мало-объяснимыми страхами не хотелось. Ей же уже объяснили, что дом находится под круглосуточной охраной, стало быть, ее тревоги беспочвенны.

Девушка достала из сумки фотографию в рамке и поставила ее на стол рядом с компьютером. Она долго не могла решить, куда же посадить плюшевого медведя, таким старым и облезлым он ей вдруг показался. «В конце концов, это теперь моя комната!» – подумала она и засунула игрушку в глубину шелковых подушек. Несколько комплектов одежды она отнесла в гардеробную, но пустые полки и шкафы, требующие не одну дюжину костюмов, платьев и пальто, действовали на нее угнетающе. Она впихнула вещи обратно в спортивную сумку и забросила ее подальше на антресоли. Только после этого перевела дух. С делами было покончено...

– Ну, как? Потихоньку осваиваешься? – послышался вдруг знакомый голос.

Анастасия вздрогнула. За своими хлопотами в гардеробной она и не заметила, как в комнату вошла хозяйка. Оставалось надеяться, что она пробыла здесь недолго и не видела, как ее несчастная гостя пытается разложить на полках старые майки и брюки.

Дворецкая держала в руках фотографию в кожаной рамке.

– Это моя мама, – смущенно произнесла Настя.

– Красивая, – отозвалась Дворецкая. – Где она сейчас?

– Умерла.

– Ах, вот оно как! Сочувствую.

– Она была балериной, – почему-то добавила Анастасия. Быть может, ее немного задело то вежливое безразличие, с каким Дворецкая рассматривала изображение самого близкого ей человека.

– Об этом мы еще поговорим, – пообещала та. – А пока займемся делом. Раз! Два! Три! – Она хлопнула в ладоши.

Дверь отворилась, и в комнату вошли три женщины. Одна из них катила высокую стойку на колесах, на которой колыхались десятки самых разных костюмов, платьев и брюк. Вторая, не теряя времени даром, уже раскладывала на полу коробки, попутно открывая крышки. В них оказалась обувь всевозможных цветов и фасонов. Здесь же были прозрачные целлофановые пакеты с сорочками, лифчиками и трусами; мешочки с колготками и чулками; коробочки с заколками и прочей мелочью.

У Анастасии рот открылся от изумления. Она и не предполагала, что филиал дорогого магазина можно запросто разместить на дому. Вероника же, довольная произведенным эффектом, представила ей хозяйку модного бутика и двух ее помощниц.

– Они подберут тебе необходимые вещи. Запомни, ты нуждаешься не только в одежде на каждый день, но и в вечерних платьях, а также в костюмах на выход.

Настя не знала, что и сказать. Вернее, у нее на языке уже вертелся вопрос, но задать его вслух она как-то не решалась. Должно быть, Дворецкая заметила ее муки:

– Тебя что-то смущает? Может, ты предпочитаешь одежду другой фирмы?

Дроздова отчаянно замотала головой.

– Нет-нет, – несвязно забормотала она. – Я имела в виду совсем не это. – И, снизив голос почти до шепота, она призналась: – Боюсь, что тысячи долларов на все это мне не хватит.

Хозяйка бутика недоуменно воззрилась на странную клиентку.

– Признаться честно, у меня и тысячи-то уже никакой нет. Я вынуждена была отдать долги в кассу, – продолжала Настя.

Дворецкая, наконец сообразив, в чем дело, рассмеялась:

– Ах, деньги? Пусть тебя это не заботит.

Она сделала рукой нетерпеливый жест:

– Начинайте. Чего вы ждете?

Хозяйка магазина вооружилась сантиметром.

– Итак, что мы тут имеем? Стойте спокойно. Я сниму с вас мерки.

Настя не успела и охнуть, как женщина проворно обхватила ее в нескольких местах, а результаты записала к себе в книжечку.

– Как я и думала, – резюмировала она. – У вас превосходная фигура. Проблем с выбором не будет.

За два часа непрерывных примерок Настя выбилась из сил, Дворецкая же, напротив, была полна энергии и энтузиазма. Она с ходу отвергла несколько понравившихся девушке платьев. «Вульгарно», «непрезентабельно», «простенько» – звучали ее резкие комментарии, а Дроздовой ничего не оставалось делать, как соглашаться.

– Это мой главный консультант! – заявляла Вероника громогласно, и девушка поневоле проникалась собственной значимостью. – Моя правая рука, наконец. И вы хотите, чтобы она выглядела одетой с распродажи? Ничего дешевого. Старые коллекции мне тоже не нужны. Да не тыкайте мне в нос вашими скидками!

Наконец утомительные хлопоты подошли к концу. Настя стала обладательницей нескольких замечательных туалетов. Футляры, коробки, плечики с прозрачными чехлами заполнили пространство гардеробной, и она перестала казаться пустой и неуютной. Глазу было приятно остановиться на стройных рядах обуви. Босоножки, туфли, сапожки, подбранные им в тон сумки и изящные женские ремни разместились на специальных подставках. В пластиковых контейнерах теснились заколки, резинки и шпильки.

Настя просто умирала от усталости. Дворецкая посмотрела на нее с улыбкой.

– Ну а теперь работать!

Дроздова подумала, что ослышалась. Какая работа, если за окном уже вечер? Но хозяйка была неумолима. Оставив на столе несколько пухлых папок и коробочку с дисками, она заявила:

– Здесь информация о моей компании. Ты должна представлять, в каком гиганте ты работаешь; знать все структурные подразделения холдинга и его персонал.

– Хорошо, Вероника Анатольевна, – вяло сказала Настя, без особого энтузиазма взирая на кучу деловых бумаг. – Думаю, что за неделю я смогу изучить этот материал.

– За неделю? – Дворецкая уставилась на нее так, словно девушка только что сказала непристойность. – Ты должна это знать к утру.

Анастасия пыталась переварить полученное задание, чувствуя себя при этом Золушкой. Но у той задача была куда проще. Чего стоили задания ее мачехи перед той лавиной юридической документации, которую так любезно вывалила перед Настей госпожа Дворецкая.

– Завтра я представлю тебя сотрудникам компании, – сказала она уже у порога. – Ты должна быть на высоте.

У Насти же тревожно замерло сердце, а сон, еще минуту назад приятной истомой обволакивающий тело, рассеялся без следа...

Следующий день показался Анастасии таким долгим и насыщенным, что, вспоминая вечером хронологическую цепочку событий, девушка чувствовала легкое головокружение. Лица ее новых сотрудников, их фамилии, имена, должности сложились в пеструю мешанину. Вытаскивая из этой кучи маленькие детали – чью-то неожиданную реплику, например, обращенную к ней улыбку, настороженный взгляд, да мало ли что еще, – Настя никак это не могла соотнести с конкретным человеком. Вот ее подсознание выкинуло наверх один кадр – ярко-желтые ботинки, такие неуместные в деловом учреждении, что девушка сразу

обратила на это внимание. Кому они принадлежали: старшему менеджеру или пресс-секретарю Дворецкой? А может, так нарядился ведущий стилист одного из салонов красоты? Как, кстати, его звали? Не то Алеко, не то Алекс. Да, ей впору записывать каждый свой шаг в ежедневник, чтобы не запутаться окончательно.

Встретили ее сдержанно, без показной радости, но и без лишней недоброжелательности. По всей видимости, политика большого босса здесь обсуждалась только в кулуарах. Если угодно было Дворецкой поставить на должность главного юридического консультанта молодую неопытную девчонку, значит, так тому и быть.

– Это наш центральный офис, – рассказывал ей молодой мужчина с усиками, проводя специально для нее обзорную экскурсию. – Тут, как вы понимаете, сосредоточена деловая часть империи Дворецкой: кабинеты высшего руководства, юридическая служба, кадровое агентство, отдел связей с общественностью, группа по работе с персоналом и, наконец, собственная служба безопасности. Именно здесь принимаются важнейшие решения по развитию и укреплению позиций нашего холдинга. «Жемчужина», как вам наверняка известно, своего рода гигант в области организации досуга...

«Еще бы! – вспоминала Настя цифры и факты из деловых папок Дворецкой. – „Жемчужина“, как огромный спрут, распустила свои щупальца по многим городам и весям. Широко разрекламированная сеть фитнес-клубов „Sport planet“ привлекала в свои залы не только богатую публику, но и создавала условия для менее обеспеченной части населения. Эконом-клубы были модными тусовочными местами для студентов и работающей молодежи. Солидные бизнесмены и светские дамы заполняли собой VIP-территории. Каждый желающий мог приобрести абонемент в зависимости от толщины своего кошелька. Тариф „демократический“ был по карману молодому специалисту, ну а, соответственно, „космический“ предназначался не столько для астронавтов, сколько для людей, способных хладнокровно смотреть на астрономические суммы. Диапазон предлагаемых услуг впечатлял, от традиционных йоги и аэробики до самых необычных, когда график тренировок рассчитывался в зависимости от гороскопа конкретного физкультурника или фаз движения луны».

– Наши салоны красоты известны любой женщине, мало-мальски интересующейся своей внешностью. Наши мастера завоевывали почетные премии на самых престижных конкурсах парикмахерского искусства и визажа, – увлеченно рассказывал мужчина, а Настя, несмотря на то что уже была в курсе достижений кудесников из «Жемчужины», слушала его с видимым удовольствием.

«Конечно! – вспоминала она. – Кабинеты красоты возникли сначала на базе уже имевшихся спортивных клубов, а потом выделились в отдельную сеть престижных салонов с самым впечатляющим перечнем предоставляемых услуг. Дворецкая не стала довольствоваться стандартными косметическими процедурами, она еще открыла клинику пластической хирургии и косметологии. Перечень именитых пациентов – это показатель ее успешности».

– У нас еще много того, о чем не каждому известно! – хвастливо продолжал экскурсовод. – Ну, про гостиничный комплекс вы наверняка слышали...

«Разумеется! Гостиница международного класса, – проговаривала про себя Настя. – Расположена на берегу живописного озера и включает в себя большое современное здание с различными категориями номеров, вплоть до президентского люкса; теннисные корты, площадки для игры в гольф, открытый бассейн и аквапарк».

– Есть собственное издательство, рекламное агентство и даже небольшая киностудия...

«Там снимаются некоторые научно-популярные фильмы, связанные в основном с косметологией и спортивной медициной, а также рекламные ролики. Удивительно, почему Дво-

рецкая еще не замахнулась на создание широкоформатных художественных фильмов. Хотя и это возможно в перспективе», – подавив улыбку, подумала Настя...

Далее следовала экскурсия по городу, в ходе которой Вероника представляла нового специалиста сотрудникам всевозможных бюро и агентств, а также ведущим мастерам и стилистам салонов. Анастасия получила массу интересных сведений о том, у кого лучше стричься и укладывать волосы, чем вредна липосакция и почему в этом сезоне актуальны сапоги гармошкой.

Какой-то очень модный дизайнер, молодой человек с невероятным начесом на голове, с цепочками и колечками, продетыми во все возможные места, деловито рассуждал о моде на классику. Настя с интересом его слушала. К тому же ее немного позабавили десятки колокольчиков, пришитых к одежде дизайнера. Когда он двигался, слышался веселый перезвон. Наверняка мастер перенял эту идею у средневековых прокаженных, которые были просто обязаны носить подобное «украшение», дабы уберечь здоровых людей от страшной болезни...

После легкого обеда в одном из фитнес-клубов Анастасия вернулась в центральный офис, где для нее была организована встреча с сотрудниками юридического отдела. Дроздова почувствовала даже легкую тошноту, верный признак того, что волнение перешло допустимые границы. Одно дело рассуждать о тенденциях моды, где никто не ждет от тебя дельных мыслей, совсем другое – раздавать ценные указания в той отрасли, где приветствуются точные знания и опыт практической деятельности.

При ее появлении подчиненные встали, а сама Настя едва не хлопнулась в обморок.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказала она и, почувствовав внезапную слабость в коленях, плюхнулась на сиденье.

Она обвела глазами небольшой конференц-зал. Здесь собрались не менее пятнадцати человек, и все они пристально рассматривали новую начальницу. В воздухе повисло ожидание.

«С чего начать?» – вертелся в голове вопрос. Разумно, конечно, было бы выложить новым коллегам весь свой послужной список, рассказав о том, где ей раньше довелось работать, намекнув на то, каким бесценным приобретением для компании она является. Но проблема была в том, что ее послужной список был чист, как репутация девственницы.

– Как меня зовут, вы уже слышали, – улыбнулась она. – С каждым из вас я познакомлюсь на личном приеме.

«Правильно ли я говорю? – заметались в голове пугливые мысли. – И есть ли у главного консультанта личный прием?»

Но коллеги проглотили новость без особых эмоций.

– Я надеюсь, что мы найдем с вами общий язык и даже станем друзьями.

«А стоит ли дружить со своими подчиненными?»

– А теперь, если у вас есть ко мне вопросы, я постараюсь на них ответить, – сказала она, полная дурных предчувствий.

В первом ряду поднялась рука.

– Анастасия Евгеньевна, а в какой отрасли права вы считаете себя специалистом?

Любопытство проявил высокий представительный мужчина с модной стрижкой. Было видно, что он еще весьма молод, но в его взгляде сквозила такая высокомерность, что Насте сразу же стало не по себе.

Тем не менее его вопрос показался Дроздовой легким, и она без всякой задней мысли ответила:

– В уголовном праве, разумеется.

Повисла тишина. Тут только Настя поняла, что сказала не то. Конечно, это была правда. Но что мог делать специалист по уголовному праву в фирме, где основную часть судебных тяжб составляли гражданско-правовые споры?

Губы мужчины тронула пренебрежительная улыбка.

– А есть ли у вас арбитражная практика? – поинтересовался он.

Хороший вопрос. Во всяком случае, ей было известно, где располагался одноименный суд.

– Есть небольшая, – сказала она нерешительно, но, подумав, добавила: – Вообще, я являюсь практикующим адвокатом.

Никаких эмоций.

– И я закончила юридическую академию с красным дипломом! А теперь, если других вопросов у вас нет, презентацию объявляю законченной. Все ясно?

– С вами все ясно, – издевательски улыбнулся мужчина, и его реплика звучала почти символично. Он сделал «страшные глаза» своим коллегам и, пресекая возможный смех, приложил палец к губам.

«Похоже, я с ним еще намаяюсь», – с досадой подумала Дроздова и, отгоняя мрачные предчувствия, заявила:

– Попрошу подойти ко мне моего заместителя.

Она поднялась. Сотрудники последовали ее примеру, и уже через минуту конференц-зал опустел. Юристы отправились по своим кабинетам, переговариваясь вполголоса и тихонько посмеиваясь...

Во время обзорной экскурсии Насте уже удалось увидеть свой кабинет, но теперь у нее появилась возможность осмотреть все более внимательно. Разумеется, все было на высшем уровне.

Вход в кабинет предваряла просторная приемная с традиционным местом для секретаря и рядом удобных кресел для посетителей.

– Добрый день, Анастасия Евгеньевна, – приветствовала ее невысокая хорошенькая девушка. – Добро пожаловать в офис. Я – ваш личный секретарь, Марина. Можете обращаться ко мне за всем, что вам потребуется.

Вот как! Не «секретарша», как принято говорить почти повсюду, а «личный секретарь». Звучит респектабельно и начисто освобождает это слово от некоторого налета вульгарности. Марина, ко всем прочим достоинствам, оказалась еще и далеко не глупа.

Девушка распахнула перед новой начальницей дверь, и Настя, сделав шаг, ступила в большое помещение, которое отныне станет для нее вторым домом. Она огляделась.

Внушительный стол занимал добрую треть кабинета. За ним можно было просматривать деловые бумаги, работать на компьютере и делать необходимые звонки. Здесь было два телефона, устройство селекторной связи, факс и другое коммуникационное оборудование.

У противоположной стены расположились замшевый диван, кофейный столик и четыре удобных кресла. Внутреннее убранство кабинета венчали несколько прекрасных акварелей кисти модных современных художников.

Еще одна дверь вела в комнату отдыха, отделанную звуконепроницаемыми панелями. Здесь можно было отдохнуть от рабочей суматохи и даже прилечь на полчаса.

Закончив осмотр, Настя уселась за свой рабочий стол, на котором уже были разложены кипы деловых бумаг, памятных записок, докладных и статистических отчетов. Она крутанулась в кресле несколько раз, поджимая под себя ноги. Кабинет вокруг нее вертелся колесом.

– Во-от так! Еще раз, – пропела она, делая очередной разворот. Настя чувствовала себя маленькой девочкой на карусели в парке.

Это было забавно. Поэтому она не сразу заметила своего первого посетителя, высокого мужчину с папкой в руках, того самого, который задавал на ее презентации заковыристые вопросы. Он застыл на пороге, наблюдая за ней с усмешкой на губах.

– Да. В чем дело? – спохватилась она, хватаясь руками за стол.

– Мне зайти позже? – поинтересовался он. – Ну, тогда, когда вы наконец накатаетесь?

В первый момент у Насти мелькнула трусливая мысль придумать хоть какое-нибудь оправдание своему странному поведению на рабочем месте, но ничего дельного на ум не пришло. Она холодно кивнула мужчине.

– В следующий раз попрошу стучать прежде, чем заходить в кабинет.

– В следующий раз непременно, – улыбнулся он.

«Как пить дать, через пятнадцать минут он разнесет слух о моих забавах по всему офису», – с тоской подумала Дроздова, а вслух поинтересовалась:

– Что вам угодно?

Вопрос прозвучал церемонно, совсем не так, как хотела его задать Анастасия, и противный мужчина опять начал скалиться.

– Вы просили меня зайти.

– Я?!

– Да. Я ваш заместитель.

Ах, вон оно что! Признаться, Настя уже успела забыть о первом своем распоряжении и теперь испытывала неловкость и досаду оттого, что коллега застал ее не в самый удобный момент. Надо же было случиться тому, что из всех мужчин, присутствующих на ее презентации, заместителем оказался именно он, пижон с модной стрижкой!

– Присаживайтесь. – Она указала ему на кресло.

Мужчина сел и положил папку на кофейный столик перед собой.

– Кофе? Чай? – спросила она и тут же осеклась, потому что забыла имя своей секретарши.

– Нет, благодарю, – отказался мужчина. – Позвольте представиться, я – Логинов Олег Валентинович. Работаю в компании *всего пять* лет, начинал с должности простого юриста и вот уже три года являюсь заместителем начальника отдела. Ранее имел опыт работы в прокуратуре, в отделе экономики.

Ответ звучал как назидание. «Всего пять лет» казались пропастью перед одним-единственным днем в должности руководителя. Кроме всего прочего, Олег дослужился до своего нынешнего положения, а не был назначенцем со стороны. Да и практический опыт был ощутимым щелчком по самолюбию Дроздовой. Мужчина, должно быть, это понимал, потому и не сводил с Анастасии долгого насмешливого взгляда.

Она прокашлялась, чтобы придать голосу хоть какую-то уверенность.

– Олег, – сказала она. – Я здесь человек новый, и поэтому мне придется первое время положиться на вас. Введите меня, пожалуйста, в курс дела. Я очень хочу добиться успеха, но только не знаю, с чего начать.

Такое честное признание несколько не обескуражило заместителя. Его улыбка стала еще шире.

– Видите ли, – заметил он снисходительно. – Мне трудно сказать, насколько применима к нам будет ваша специализация. Конечно, Вероника Анатольевна в некоторых случаях обеспечивает сотрудников своей компании защитой по уголовным делам. Но это, слава богу, случается нечасто. Среди нас нет воров и насильников. В основном мы ведем гражданские споры в общих и арбитражных судах. Как я понял, у вас в этих отраслях права есть проблемы.

– Немного, – призналась Настя.

– Вот видите! – В его голосе слышались торжествующие нотки. – Конечно, при Борисе Рудольфовиче было все намного проще. Будучи первоклассным специалистом, он брал на себя решение самых сложных вопросов. Не знаю, как ему удавалось, но он всегда выходил победителем, даже из самых запутанных и безнадежных дел. Теперь, когда вы заняли его место, мы будем ждать столь же оглушительных побед от вас.

– Скажите, что вы думаете о моем назначении, – Настя решила на откровенный разговор.

– Вам сказать приятное или по совести?

– По совести, конечно.

– Ну, тогда, откровенно говоря, я не понимаю, что вы здесь делаете. На вашем месте, я подыскал бы для себя что-нибудь более подходящее.

– Например?

– Например, детский сад или среднюю школу. Женщинам нет места в юриспруденции.

Настя почувствовала, как в ней закипает раздражение. Этот самодовольный ублюдок хватил через край. А она еще пыталась получить от него дельный совет!

– Значит, вы ненавидите женщин? – спросила она.

– Почему? – искренне удивился Логинов. – От вас бывает очень большая польза. На кухне, например. Опять же воспитание детей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.